

НИКАКИХ НОВОСТЕЙ?— Тиббе! Куда же он подевался? Кто-нибудь видел Тиббе? Его вызывает главный редактор. Да где же он, ёлки-палки? Тиббе!!!

Тиббе прекрасно слышал, как его разыскивали по всей редакции. Он сидел скрючившись за своим столом и, дрожа от страха, думал: «Не хочу я к главному редактору. Я и так знаю, что сейчас будет. На этот раз меня обязательно уволят».

— Тиббе! Ах, вот ты где! Немедленно к главному! Ничего не поделаешь. Надо идти. Тиббе понуро побрёл по коридору, пока не уткнулся в дверь с грозной табличкой «Главный редактор». Он постучал.

— Войдите, — сказал голос из-за двери. Главный редактор говорил по телефону. Не прерывая беседы, он указал Тиббе на стул.

Тиббе послушно присел и замер в ожидании. Тиббе был репортером и работал в «Киллендорнской газете». Он писал заметки.

— Значит, так, — сказал главный редактор, положив трубку. — Я хочу с тобой серьёзно поговорить, Тиббе.

«Ну вот, мне конец», — подумал Тиббе.

— Заметки, которые ты пишешь, милы. Даже очень милы...

Тиббе робко улыбнулся. Может, и пронесёт.

— Но...

Тиббе терпеливо ждал. Это «но» обязательно должно было последовать. Иначе бы он здесь не сидел.

— Но в твоих заметках нет никаких новостей. Я уже не раз говорил тебе об этом. Ты пишешь только про кошек.

Тиббе молчал. Это была сушая правда. Он очень любил кошек. Он знал всех кошек в округе. И дома у него имелся свой собственный кот.

— Но моя вчерашняя заметка совсем не про кошек, — наконец сказал он. — Там речь шла о весне.

— Точно, — согласился главный редактор. — О весне. О листочках, которые снова распускаются на деревьях. Это ты называешь новостью?

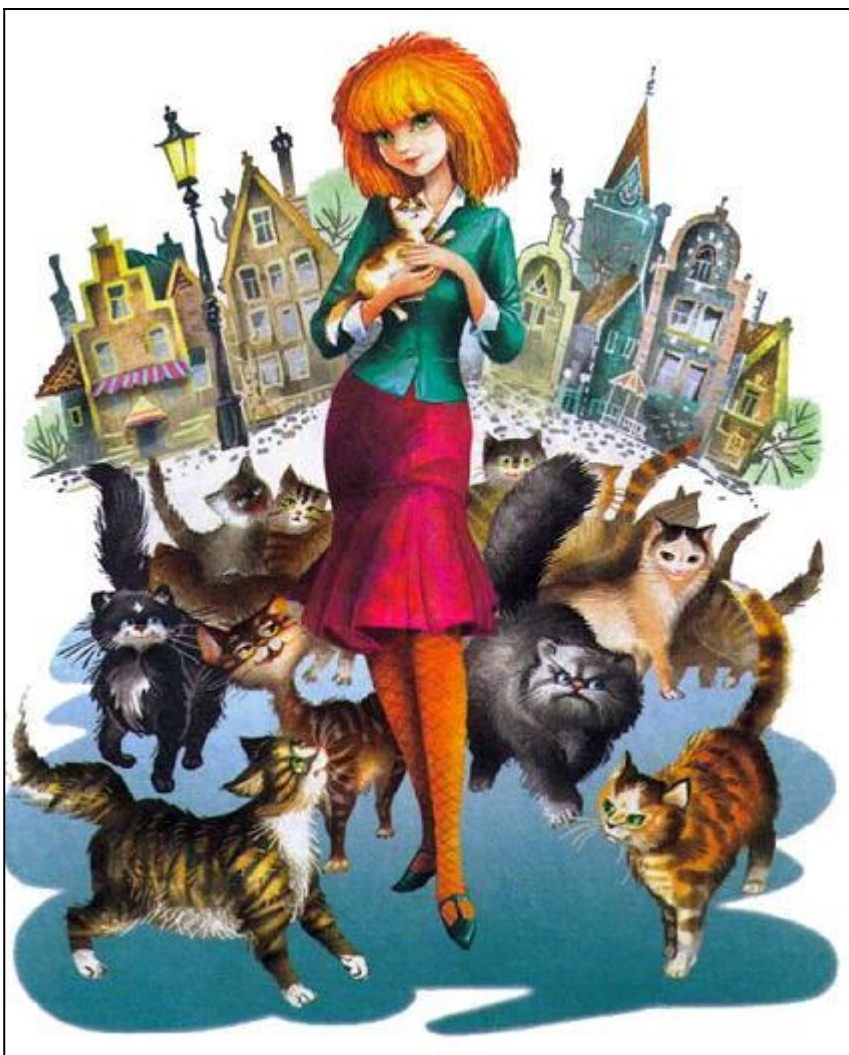
— Но ведь листочки-то новые... — пробормотал Тиббе.

Главный редактор тяжело вздохнул.

— Послушай, Тиббе, — сказал он. — Лично я ничего против тебя не имею. Ты способный парень и неплохо пишешь. Но мы здесь делаем газету. А в газете должны быть новости.

— Но в ней и так полным-полно новостей, — осмелился возразить Тиббе. — Всякие там войны. И убийства. Я думал, что людям приятно будет почитать про кошек и листочки на деревьях.

— Нет, дорогой мой. Пойми меня правильно: я не заставляю тебя писать про убийства и ограбления

банков. Но город вроде нашего просто распирает от мелких новостей. Нужно только суметь раздобыть их. Повторяю тебе то, что говорил уже не раз: ты слишком робок. Ты стесняешься подходить к незнакомым людям и задавать им вопросы. Такое впечатление, что ты умеешь общаться только с кошками.

Тиббе молчал, потому что и это была суцая правда. Он был робок. А если ты работаешь в газете, робким быть нельзя. Ты должен быть готов взять интервью у министра, даже если тот сидит в ванне. И без стеснения спрашивать его при этом: «А ну-ка расскажите, господин хороший, чем вы занимались сегодня ночью?»

Хороший газетчик умеет это делать. А Тиббе — нет.

— Вот что, — постановил главный редактор. — Даю тебе последний шанс. Отныне ты пишешь заметки, в которых обязательно есть новости. Завтра после обеда положишь мне на стол первую. А потом ещё будешь сдавать по две в неделю. Но если у тебя опять ничего не получится...

Тиббе понял. Тогда на его карьере можно будет поставить крест.

— До свидания, Тиббе.

— До свидания, менеер.

Обреченно вздохнув, Тиббе вышел на улицу. Моросил мелкий дождик, улицы казались подернутыми серой дымкой. Тиббе побрёл куда глаза глядят. В поисках новостей он старательно озирался по сторонам, вглядывался в лица прохожих. Ну откуда, скажите на милость, этим новостям взяться?

Вдоль тротуаров катили автомобили. Всего несколько пешеходов спешили по своим делам.

А вот кошки прямо путались под ногами. Как раз про них-то ему и запрещено писать! В конце концов он, донельзя усталый, присел на скамью на торговой площади Грунмаркт под деревом, где ещё было сухо.

На скамейке уже сидел пожилой человек. Тиббе узнал его. Это был школьный учитель, господин Смит.

— Вот тебе раз! — обрадовался господин Смит. — Как я рад тебя видеть! Слышал, что ты работаешь в газете. Я всегда знал, что ты станешь журналистом. Наверняка преуспеваешь, я угадал?

Тиббе с трудом сглотнул и промямлил:

— Да вроде бы...

— В школе ты писал замечательные сочинения, — припомнил господин Смит. — Я был уверен, что ты далеко пойдешь. Да, твои заметки приятно читать.

— Нет ли у вас каких новостей? — спросил Тиббе. Господин Смит взглянул на него чуть ли не с обидой.

— Неужели ты так зазнался? Я тебе — о том, как ты хорошо пишешь, а ты мне в ответ — какие, мол, новости. Весьма невежливо с твоей стороны.

— Я вовсе не это имел в виду! — заливаясь краской, воскликнул Тиббе.

Он хотел было объяснить учителю, что он имел в виду, но тут раздался яростный лай. Они оглянулись и увидели огромную овчарку, гнавшуюся за кем-то по пятам. За кем именно, им разглядеть не удалось, потому что этот «кто-то» вдруг невероятно ловко запетлял между автомобилями. Захлебываясь лаем, пес старался не отстать. А потом вдруг сильный шорох послышался в кроне соседнего вяза.

— Кошка, — догадался господин Смит. — Загнал кошку на дерево.

— Вы думаете, кошка? — засомневался Тиббе. — Кошки не бывают такими большими. Да и шорох слишком сильный. Больше похоже на крупную птицу. Скорей всего, это аист.

— Никогда не видел убегающих от собак аистов, — возразил господин Смит.

— Звук напоминает хлопанье крыльев. Разве кошки хлопают крыльями?

И они поспешили на место происшествия. Под деревом, задрав голову, надрывался пес. Они попытались разглядеть кошку, спрятавшуюся среди ветвей. Если, конечно, это была кошка.

— Ко мне, Марс! — позвали собаку. — А ну, живо ко мне!

В конце аллеи показался господин с поводком в руках. Он прицепил поводок к ошейнику и потащил ворчащего пса за собой.

— Р-р-р-! — говорил пес, упираясь всеми четырьмя лапами.

Тиббе и господин Смит неотрывно смотрели вверх. И вот наконец им удалось разглядеть того, кто спрятался в зелени молоденьких листочков.

Сначала они увидели ногу. Женскую ногу в красивом чулке и лакированной туфельке.

— Боже мой, это же дама! — ахнул господин Смит.

— Вот это да! — удивился Тиббе. — Как же она смогла так быстро взобраться на высоченное дерево?

Из ветвей показалось лицо. Обыкновенное женское лицо с испуганными глазами, обрамленное копной рыжих волос.

— Он ушёл? — спросила она.

— Ушёл! Спускайтесь! — крикнул в ответ Тиббе.

— Я боюсь высоты, — пожаловалась дама. Тиббе огляделся по сторонам. Под деревом стоял фургончик.

Он осторожно взобрался на крышу и протянул даме руку. Цепляясь за ствол, она переползла на нижнюю ветку и схватилась за его руку. Потом неожиданно ловко, в два прыжка, соскочила на крышу фургона и спрыгнула на землю.

— Мой чемоданчик упал с дерева, — сообщила она. — Вы случайно не обратили внимания — куда?

Господин Смит вытащил чемоданчик из придорожной канавы.

— Прошу, — сказал он. — Ваш костюмчик немного испачкался.

Дама стряхнула с юбки пыль и листья.

— Это была такая большая собака, — вздохнула она. — Ничего не могу с собой поделаться: только увижу — обязательно лезу на дерево. Ещё раз спасибо.

Тиббе хотел было её остановить и кое о чём расспросить: дама на дереве — ну чем не новость для будущей заметки.

Но он, как обычно, слишком долго колебался. Всё-таки он был чересчур застенчив. И дама со своим чемоданчиком медленно пошла прочь по аллее.

— Какая странная женщина! — покачал головой господин Смит. — Она похожа на кошку.

— Ага, — согласился Тиббе. — Просто ужасно похожа.

Они смотрели ей вслед. Дама свернула за угол. «Я должен её догнать», — осенило Тиббе. Не

попрощавшись с господином Смитом, он бросился за ней.

Вскоре вдали мелькнул её силуэт. «Сейчас догоню и спрошу: „Отчего это вы, юфрау, так боитесь собак и как вам удалось так ловко забраться на дерево?“» — думал он.

Но дама вдруг исчезла.

Может, она зашла в какой-нибудь дом? По этой стороне улицы не было домов — лишь длинная изгородь, за которой раскинулся большой сад. В изгороди не было калитки: не могла же уважающая себя дама просто так взять и перемахнуть через забор? И всё же сквозь прутья Тиббе заглянул в сад. Газон и кустарник. И никакой тебе дамы. «Наверняка она куда-нибудь свернула, — сказал себе Тиббе, — а я и не заметил. Да и дождь вон какой припустил. Пойду-ка я домой».

По дороге он купил на ужин две жареные рыбки и пакет груш. Тиббе жил на чердаке. Это был очень симпатичный чердак. Большая комната, где он работал и спал. А рядом примостились крошечная кухонька, душевая и заваленная всяческим хламом кладовка. Добираться до чердака нужно было по крутой лестнице с множеством ступенек; зато отсюда открывался чудесный вид на крыши, утыканные печными трубами. Большой дымчатый кот Флюф уже поджидал его.

— Рыбу чуешь, — сказал Тиббе. — Идем на кухню, сейчас мы её съедим. Получишь целую рыбку, Флюф. Но знай, скорее всего, в последний раз я смог купить что-нибудь на ужин. Завтра меня наверняка уволят. Вышвырнут на улицу, Флюф. Я больше не заработаю ни сента, мы вместе пойдем просить милостыню.

— Мр-мяу, — сказал Флюф.

— Если только я не напишу сегодня заметку с какой-нибудь новостью, — вздохнул Тиббе. — Но уже слишком поздно.

Он нарезал хлеб и поставил на огонь чайник. Ужин получился грустный. Затем он пошёл в комнату и уселся за пишущую машинку.

«Может, всё-таки попробовать написать про эту странную даму», — подумал он. И написал:

«Сегодня, около пяти часов пополудни, на Грунмаркт некая дама спасалась бегством от преследовавшей её собаки. В панике дама взобралась на вяз. Потом она боялась спуститься вниз, и я протянул ей руку помощи. После чего дама исчезла: вероятно, перелезла через изгородь и скрылась в чьем-то саду».

Тиббе перечитал написанное. Получилась совсем короткая заметка. И у него возникло предчувствие, что главный редактор скажет: «Опять ты написал про кошек».

Нужна совсем другая новость. Съедим-ка сперва карамельку. Может, тогда работа сдвинется.

Он поискал карамельку на письменном столе. Вроде бы оставалась ещё одна.

— Флюф, ты не знаешь, куда я дел карамельку?

— Мр-р, — ответил Флюф.

— Тоже не знаешь. Выбросил я её, что ли? А ты, никак, собрался пошляться по крышам?

Тиббе открыл окошко на кухне, и Флюф растворился в темноте.

По-прежнему моросил мелкий дождь, в лицо ему дохнул холодный ветер.

Тиббе вернулся к пишущей машинке. Он вставил новый лист бумаги и забарабанил по клавишам.

Пока Тиббе маялся над машинкой, странная дама ушла не очень далеко.

На расстоянии двух улиц от его дома она сидела на своем чемоданчике под кустом в незнакомом саду. Сгустились сумерки, город накрыла темнота. Подвывал ветер, в саду было сыро.

Дама издала странный, похожий на мяуканье звук. Подождала, потом мяукнула ещё раз. Со стороны дома в глубине сада послышалось ответное мяуканье.

Вскоре из темноты выступила почти слившаяся с ней черная кошка. Подозрительно принохиваясь, она остановилась неподалеку от кустов.

— Тётушка Мортье, — прошептала дама. Старая кошка выгнула спину и попятилась.

— Ах, вот оно что! — зашипела она. — Ты!

— Вы узнаете меня, тётушка Мортье?

— Ты — Мурли! Моя племянница с аллеи Эммалаан!

— Да, тётушка. Я знала, что вы здесь живёте, и пришла к вам.

— Я слышала, что с тобой случилось, но думала, это слухи, — нервно сказала старая кошка. — Все кошки только об этом и говорят. Как же ты докатилась до такого, Мурли? Ты, происходящая из лучшей семьи Киллендорна? Что говорят твои ближайшие родственники?

— Они не хотят со мной знаться, — вздохнула дама. — Они говорят, что я сама во всём виновата. Моя сестра воротит от меня хвост...

— Так-так, — покачала головой тётушка Мортье. — Это вполне понятно. Ты должна была совершить нечто ужасное, чтобы заслужить такое наказание. Подумать только — превратиться в человека! Стыд и срам! Даже за тысячу канареек я не согласилась бы стать человеком. Может, тебя заколдовали?

— Не знаю, — пожала плечами Мурли.

— Ты же должна хотя бы знать, как это произошло?

— Я помню только, что вышла из дому кошкой, а вернулась человеком.

— Уму непостижимо! — фыркнула тётушка Мортье. — Видимо, ты сама что-то натворила. Совершила какой-нибудь абсолютно некошачий поступок. Признайся!

— Ничего особенного.

— И одежда у тебя вон какая! — Тётушка обошла вокруг неё. — А она на тебе сразу появилась?

— Ах, эта... нет, я её одолжила, — потупилась Мурли. — Не могу же я ходить нагишом.

— Ишь ты, костюмчик! И чемоданчик! — бурчала тётушка Мортье. — А чемоданчик откуда?

— Тоже одолжила...

— И что же в нем такое?

— Пижама. Зубная щетка. Полотенце и мыло.

— Значит, теперь ты не умываешься язычком?

— Нет.

— Тогда всё пропало, — заключила тётушка Мортье. — А я-то думала, что всё ещё обойдется. Теперь я понимаю: надеяться не на что.

— Тётушка Мортье, я ужасно голодна. У вас случайно не найдется чего-нибудь поесть?

— Случайно не найдется. Свой ужин я уже съела. А хозяйка у меня ужасно аккуратная. Крошки не оставит. Всё прячет в холодильник.

— А она добрая?

— У меня к ней нет претензий. А что?

— Может, она возьмет и меня к себе?

— Ишь чего надумала! — возмутилась тётушка Мортье. — Да как тебе это только в голову пришло? В твоём-то нынешнем виде?

— Я ищу жилье, тётушка. Мне же нужно иметь крышу над головой. Вы ничего не могли бы мне посоветовать? Где-нибудь поблизости?

— В мои годы, — сказала тётушка Мортье, — уже не ползаешь по крышам, да и по чужим садам я уже почти не гуляю. У меня, правда, сохранились кое-какие старые связи. Через сад живёт кот учителя, господина Смита. Его зовут Симон. Косой Симон. Он из сиамских, но, несмотря на это, весьма любезен...

— И может быть, у учителя мне удастся...

— Да нет же, — досадливо поморщилась старая кошка. — Там ты тоже никому не нужна. Но Симон знает всех окрестных кошек. И их хозяев. Весьма вероятно, он даст тебе дельный совет.

— Премного благодарна, тётушка. До свидания. Я ещё загляну к вам.

— Если ничего не получится, — подумав, сказала старая кошка, — обратись к Помоечнице. Она бездомная. Чаще всего её можно застать на крыше Страхового банка. Она, конечно, не из благородных, неряха и грязнуля, но зато в курсе всех сплетен, потому что болтается по всему городу.

— Большое спасибо.

— А я пошла домой, — вздохнула тётушка. — Мне очень жаль тебя, детка, но я по-прежнему уверена в том, что ты сама во всём виновата. И напоследок мой тебе совет: умывайся язычком.

Вылизывай себя. Это начало и конец всей премудрости.

С гордо поднятым хвостом тётушка Мортье прошествовала в глубь сада к дому, а её незадачливая племянница, подобрав чём оданчик, протиснулась сквозь дыру в изгороди и побрела к соседскому коту Симону.

* * *

Тем временем дела у Тиббе шли из рук вон плохо. Он бегал взад-вперед по комнате, то бросался к пишущей машинке, то в ярости рвал написанное и просто перевернул всё вверх дном в поисках карамельки. Ведь именно из-за этой несчастной карамельки ему не думалось и не писалось. А в окна к нему уже заглядывала ночь.

— А почему бы мне не прогуляться? — в конце концов спросил себя Тиббе. — Пойду погляжу — не случилось ли где чего. Чтобы мне написать об этом. Впрочем, в такую погоду никто собаку на улицу не выгонит. Странно, что Флюф так долго шляется по крышам. Обычно он раньше возвращается... И вообще, лягу-ка я спать. Завтра меня вызовет главный редактор, и я ему скажу: «К сожалению, вы оказались совершенно правы, я не годюсь для газеты». А он мне ответит: «Да, дорогой Тиббе, поищи-ка себе другую работу». Чему быть — того не миновать. И пойду я искать другую работу.

На кухне что-то звякнуло.

Как будто нажали педаль мусорного бачка.

— Ох уж этот Флюф, — покачал головой Тиббе. — Вот ведь обжора! Хочет вытащить из мусора рыбки хвосты. И это после того, как он слопал целую рыбину! Надо пойти взглянуть, а то он перевернет бачок, а мне потом подметай!

Тиббе поднялся из-за стола и распахнул дверь кухни.

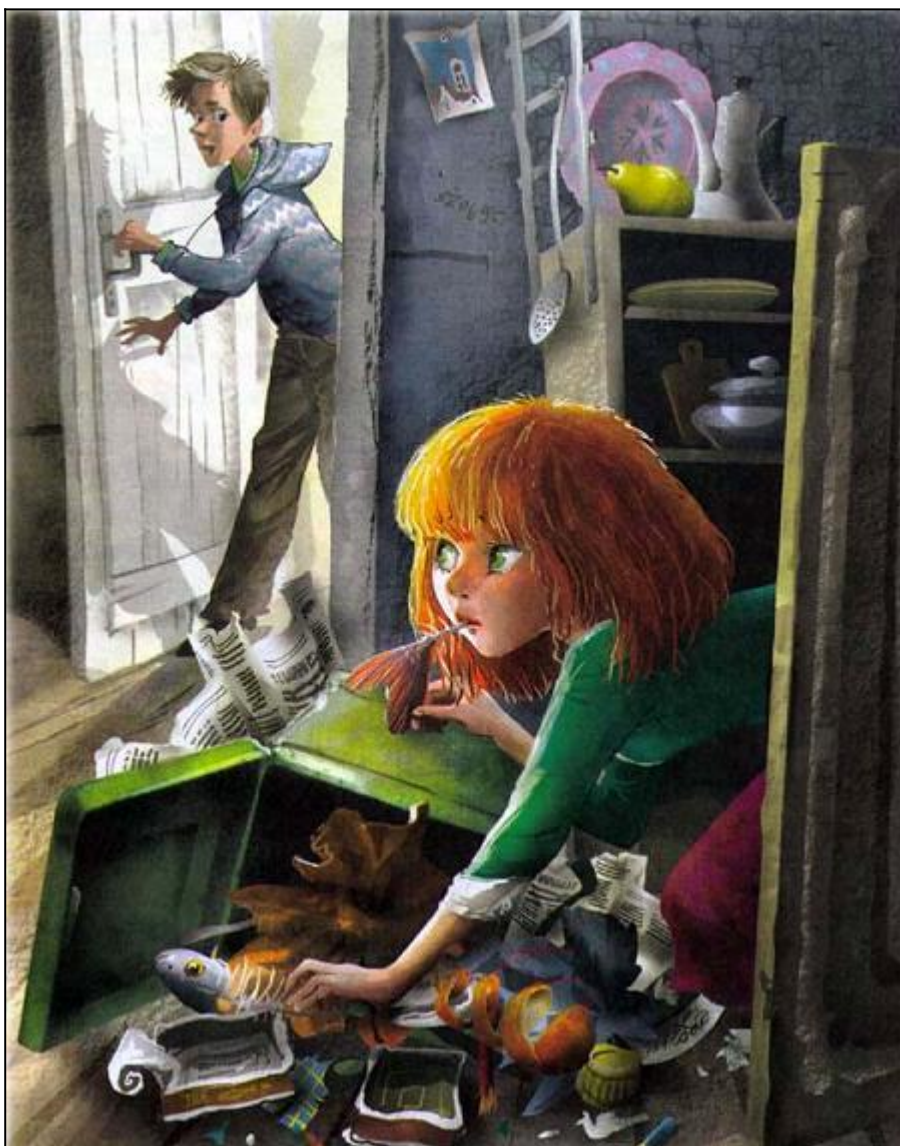
И вздрогнул от неожиданности. Это был не Флюф. Это была дама — та самая, с дерева. Она с энтузиазмом копалась в мусоре. В кухню она могла проникнуть единственным способом — через чердачное окно.

Услышав его шаги, дама обернулась.

«Из её пасти торчал рыбий хвост. Да нет же — изо рта», — тут же поправил себя Тиббе. В этот миг она так была похожа на мокрую бездомную кошку, что он чуть было не крикнул: «А ну-ка, брысь отсюда!» Но вовремя сдержался.

Дама выплюнула рыбий хвост и приветливо улыбнулась. Её раскосые зеленые глаза покошачьи сверкнули.

— Пардон, менеер, — почти пропела она. — Я тут сидела на крыше с вашим Флюфом. А из окошка так приятно пахло. Вот я и не выдержала и влезла к

вам на кухню. А Флюф ещё на крыше.

Она говорила очень правильно, как настоящая дама. Но какая же она была мокрая! Рыжие пряди липли к лицу, костюмчик — хоть отжимай — был измят и испачкан.

Внезапно ему стало её ужасно жалко. Как бедную-несчастную кошку, промокшую до последней шерстинки. Одинокую, бездомную кошку!

— К сожалению, мы съели всю рыбу, — извинился Тиббе. — Но если вы так голодны, я готов угостить вас ми... — он чуть было не сказал «мисочкой» — чашечкой молока. А может, вы не откажетесь и от бутерброда? С сардинками?

— С удовольствием, — вежливо кивнула дама, но по глазам её было видно, что она сейчас замячит от голода.

— Тогда положите это на место. — Тиббе показал на рыбий хвост, который она всё ещё держала в руке.

Она выбросила хвост в мусор, присела на краешек стула и неотрывно следила за тем, как Тиббе открывает банку сардин.

— Можно хотя бы узнать ваше имя?

— Мурли. Юфрау Мурли.

— А меня зовут...

— Господин Тиббе, — быстро сказала она.

— Так меня никто не зовет. Все зовут меня просто «Тиббе».

— Если вы не возражаете, я всё же буду называть вас господин Тиббе.

— Зачем вы забрались на крышу? — поинтересовался он.

— Я... э-э... искала работу.

Тиббе удивлённо уставился на неё.

— На крыше?

Она не ответила. Бутерброды были готовы. Тиббе чуть было не поставил тарелку на пол, но опять во-время спохватился. Наверное, она всё-таки ест, как человек. Точно, она аккуратно ела, с ножом и вилок.

— Вы работаете в газете, — сказала она, прожевав кусочек. — Но работать там вам осталось недолго.

— Откуда вы это знаете?! — воскликнул Тиббе.

— Слухами земля полнится. — Дама пожала плечами. — Заметка не получилась. Ну, эта — про меня на дереве. Очень жаль.

— Вот это да! — не переставал удивляться Тиббе. — Объясните, ради Бога, кто вам об этом насплетничал. Я ведь не говорил никому ни слова!

Ему пришлось подождать, пока она дожует последний кусочек. После чего она собрала оставшиеся крошки и облизала пальцы.

Её глаза прикрылись.

«Сейчас она уснет», — подумал Тиббе.

Но она не собиралась спать. Она лишь сладко шурилась. Тиббе услышал тихий рокочущий звук. Дама замурлыкала.

— Я вас кое о чём спросил, — напомнил Тиббе.

— Ах да... об этом все говорят.

Тиббе тяжело вздохнул. Внезапно он заметил, что дама дрожит от холода. Немудрено — на ней сухого места не было.

— Нет ли у вас сухой одежды, чтобы переодеться?

— Есть. В чемоданчике.

Только сейчас Тиббе увидел под слуховым окном чемоданчик.

— Вам нужно принять горячий душ и переодеться во всё сухое, — сказал он. — Иначе вы завтра заболите. Вот душевая.

— С превеликим удовольствием, — мурлыкнула дама и, подхватив чѐм оданчик, направилась в душ. Проходя мимо него, она изогнулась и потѐрлась головой о его рукав.

«Она сумасшедшая», — в ужасе подумал Тиббе и отшатнулся, будто к нему приблизился крокодил. Когда она скрылась в душевой, Тиббе вернулся в комнату. «Уж не собирается ли она... остаться у меня жить? Она говорит, что ищет жильѐ. Бездомная кошка».

— Нет уж, не на такого напали, — сердито пробурчал Тиббе. — К тому же у меня уже есть кошка. И потом, я очень рад тому, что живу один и сам себе хозяин. И кровать у меня одна. Какой же я дурак, что предложил ей принять душ!

Но вот и она... Дама вошла в комнату.

«Так-так, — подумал Тиббе. — Именно это я и предполагал». Она стояла на пороге в пижаме, халатике и тапочках.

— Вы не позволите высушить это у вас на батарее? — Она показала на мокрый костюмчик, висевший у неё на руке.

— Э... да, конечно, — пробормотал Тиббе. — Но видите ли, я хотел бы сказать вам...

— Что?

— Послушайте, юфрау, вне всякого сомнения, вы можете переждать здесь часок-другой, пока не высохнет ваша одежда. Но не рассчитывайте, что останетесь здесь жить.

— Не рассчитывать?

— Нет, юфрау. Я сожалею. Но это невозможно.

— Ой, — расстроилась она, — даже одну ночь нельзя переночевать?

— Нет, — упорствовал Тиббе. — У меня нет для вас кровати.

— А мне и не нужна кровать. У вас в кладовке стоит большая коробка. Картонная коробка из-под консервных банок.

— В коробке? — удивился Тиббе. — Вы собираетесь спать в коробке?

— Конечно. Если только вы подстелите мне свежую газетку.

Но Тиббе упрямо покачал головой.

— Я дам вам денег на гостиницу. Тут есть одна неподалеку.

Он схватился за свой кошелѐк, но она протестующе замахала руками.

— Ах нет! — воскликнула она. — Если действительно нельзя, то я уйду без всяких денег. Сейчас только надену свой мокрый костюмчик и сразу же уйду.

Она стояла перед ним такая растерянная, такая несчастная... На улице подвывал ветер, в окна колотил дождь. В такую погоду даже кошку не отправишь гулять по крышам.

— Ладно, так и быть, оставайтесь, но только на одну ночь, — сжалился Тиббе.

— Можно мне спать в коробке?

— Спице где хотите. Только с одним условием. Вы должны рассказать, откуда вы все про меня узнали. Кто я такой, где работаю и о чѐм пытался сегодня написать.

Они услышали мягкий прыжок в кухне. Это мокрый и грязный Флюф наконец вернулся с прогулки.

— Я узнала всё от него. — Дама показала на кота. — Это он рассказал мне. Впрочем, я беседовала со многими окрестными кошками. Они все в один голос рекомендовали мне вас.

Тиббе залился краской. Ему показалось, что он сходит с ума.

— Вы... разговариваете с кошками? — спросил он.

— Да.

«Бред какой-то, — подумал Тиббе. — Эта дамочка явно чокнутая».

— И э-э... как это у вас получается?

— Я сама одна из них, — просто сказала она. «Ну и дела», — подумал Тиббе.

Юфрау Мурли присела рядом с Флюфом возле каминной трубы. Тиббе услышал, как они что-то промурлыкали друг другу. Мурлыканье было вполне дружелюбным. Может, стоит ещё раз попробовать написать о ней заметку?

«На эту ночь я сдал кладовку мурлыкающей даме, которая проникла в мою кухню через слуховое окно и сообщила мне, что прежде была кошкой...»

«В тот же миг меня вышвырнут на улицу», — понял Тиббе.

Он слышал, как они беседуют друг с другом — дама и его кот. Они издавали короткие мурлыкающие и мяукающие звуки.

— И что же говорит Флюф? — поинтересовался Тиббе, естественно, в шутку.

— Он говорит, что ваши карамельки лежат в коробочке на верхней полке книжного шкафа. Вы сами её туда поставили.

Тиббе пошёл взглянуть. Карамельки и в самом деле лежали там. — И всё-таки я не верю, — сказал Тиббе. — В то, что вы разговариваете с кошками. Наверное, это получается как-то иначе: чтение мыслей или ещё какая хитрость.

— Может быть, — сонно пропела Мурли и зевнула. — Я пошла в коробку, — сообщила она. — Можно мне взять эту газетку?

— Вы уверены, что обойдетесь без одеяла и подушки?

— Конечно, большое спасибо. Насколько я знаю, Флюф любит спать у вас в ногах. У каждого свой вкус. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, юфрау Мурли. Она обернулась от двери.

— Кстати, по пути к вам я услышала парочку новостей, — сказала она. — На здешних крышах.

— Новостей? Каких же?

— У Помоечницы скоро будут котятка.

— Ох, — вздохнул Тиббе, — к сожалению, мне больше нельзя писать про кошек. Главному редактору это не нравится.

— Жаль, — сказала юфрау Мурли.

— А ещё какие новости?

— Только одна: почему господин Смит такой грустный.

— Господин Смит? Вы имеете в виду учителя? Я видел его сегодня. И мы вместе помогали вам слезть с дерева. И он вовсе не выглядел грустным.

— И тем не менее это так.

— По-моему, это неплохая новость. — Тиббе потер руки. — У него что, плохое настроение?

— Через неделю исполнится двадцать пять лет, как он работает старшим учителем в школе, — пояснила юфрау Мурли. — Он надеялся, что в его честь устроят праздник. Как-никак юбилей. Но нет.

— Почему же праздника не будет?

— Потому что никто этого не помнит. Все забыли. Он думал, что о празднике позаботятся ученики и коллеги... но никто и в ус не дует.

— Почему же он сам никому об этом не напомнит?

— Этого он ни за что не сделает. Он слишком гордый и упрямый. Так говорит Косой Симон.

— Косой Симон? Это же его сиамский кот!

— Точно. С ним-то я и разговаривала. И он рассказал, почему его хозяин такой грустный. Извините, я пошла в свою коробку.

Она сказала Флюфу на прощанье: «мроу».

«Мриу», — ответил ей Флюф. Наверное, это означало «спокойной ночи».

Тиббе бросился к телефонному справочнику. Хотя был уже поздний вечер, он всё-таки набрал номер господина Смита.

— Извините меня за столь поздний звонок, — зачастил Тиббе. — Я прослышал, что скоро вы отмечаете юбилей. Вы двадцать пять лет работаете старшим учителем. Не так ли?

На другом конце провода долго молчали. Наконец послышался взволнованный голос господина Смита:

— Я верил, что есть люди, которые помнят об этом.

«Не люди, кошки», — хотел было возразить Тиббе, но вовремя осекся.

— Разумеется! — воскликнул он с воодушевлением. — Как же не помнить? Вы не будете против, если я напишу про вас заметочку?

— Мне будет чрезвычайно приятно, — сказал господин Смит.

— Нельзя ли в таком случае зайти к вам? Я понимаю, сейчас уже поздний вечер... но мне бы так хотелось сдать эту заметку завтра. Рассказать о вашей жизни и о школе...

— Приходите, — согласился господин Смит...

В три часа ночи Тиббе вернулся домой. Его записная книжка была до последнего листочка заполнена сведениями о жизни и трудовых подвигах господина Смита. Он на цыпочках прокрался по своему чердаку, но прежде чем усесться за пишущую машинку, заглянул в кладовку.

Свернувшись калачиком, Мурли мирно спала в коробке.

«Она спасла меня, — подумал Тиббе. — Теперь у меня есть заметка. Осталось её только написать».

Укладываясь на рассвете в кровать, он шепнул сонному Флюфу:

— Слышишь ты, соня. У меня получилась отличная заметка. И в ней настоящая новость! Флюф потянулся и захрапел у него в ногах.

«Я обязательно поблагодарю её утром, эту странную юффрау Мурли», — подумал Тиббе и тоже заснул.

Но когда на следующее утро он проснулся, она уже ушла.

Коробка была пуста. В ней лежала газета, всё было тщательно прибрано. Её одежда и чемоданчик тоже исчезли.

— Флюф, уходя, она что-нибудь просила передать?

— Мр-р, — ответил Флюф, но Тиббе ничего не понял.

— Ну и ладно, — вздохнул он. — Нашим легче. Весь чердак опять в моем полном распоряжении.

Потом он увидел на письменном столе свою собственную заметку.

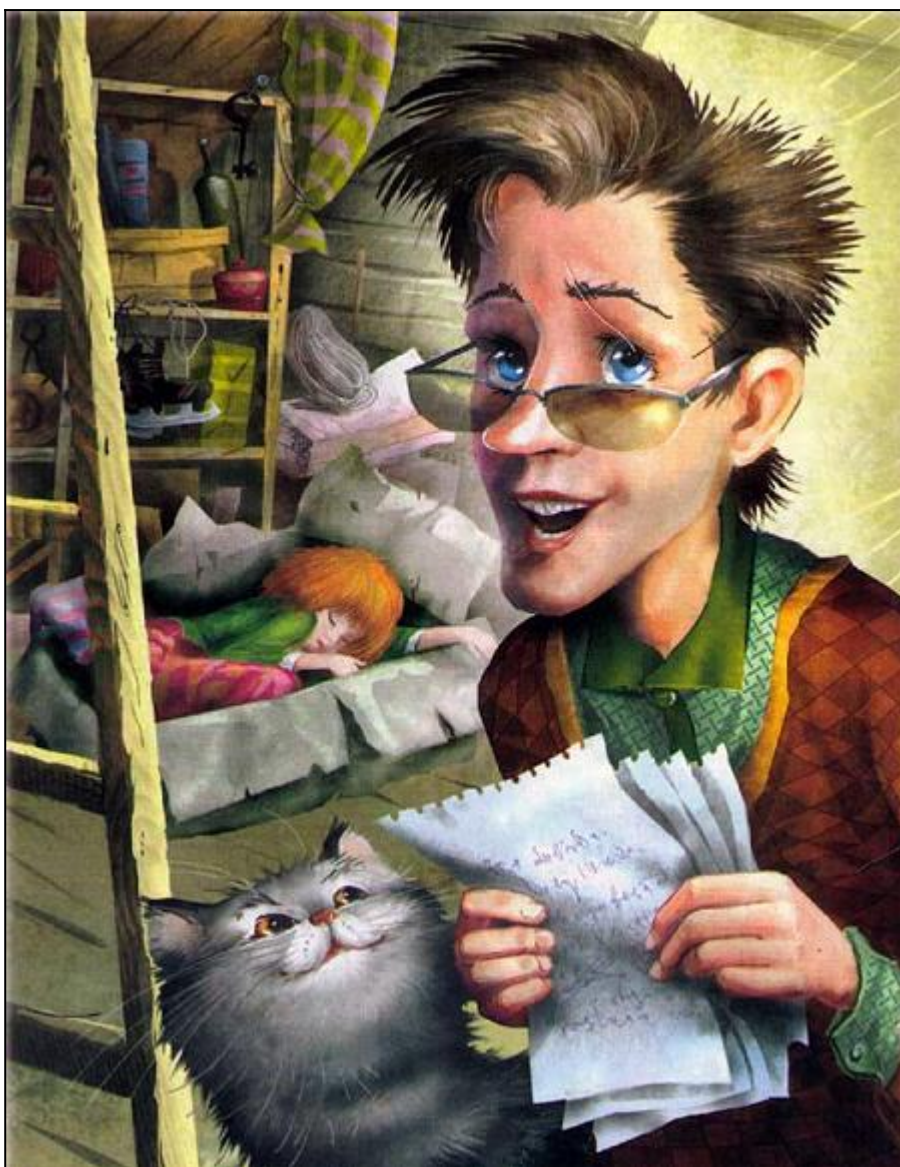
— Вот здорово! — воскликнул он. — Я иду на работу. И меня не уволят. По крайней мере сегодня...

Его радость угасла. Он пошёл на кухню, где обнаружил сваренный для него кофе. Посуда была вымыта. «Очень мило с её стороны».

Слуховое окошко было распахнуто настежь. Значит, бездомная дама убралась тем же путем, каким появилась.

«Хоть погода наладилась, — подумал Тиббе. — Ей не нужно будет бродить под дождем. Неужели она опять отправилась разговаривать с кошками? Если бы она осталась здесь... Если бы я взял её в дом... Тогда, может быть, она приносила бы мне каждый день какую-нибудь свежую новость». Он чуть было не крикнул в окно: «Мурли, кис-кис-кис!»

Но сдержался.

«Гнусный эгоист, — строго сказал он сам себе. — Ты хочешь взять в дом женщину-кошку исключительно в своих собственных интересах. Как низко с твоей стороны! Забудь её и сам добывай себе новости. Нужно избавиться от застенчивости. К тому же она, вероятно, ушла насовсем».

А юфрау Мурли была тем временем неподалеку. Она сидела на крыше Страхового банка — самого высокого здания в округе — и вела разговор с Помоечницей.

Помоечницей её прозвали потому, что была она кошкой, прямо скажем, драной. И лапы у неё были вечно грязные. Хвост облез, рваное ухо по-бандитски съехало набок, серо-бурая шерсть торчала клочьями.

— У тебя скоро будут котята, — сказала Мурли.

— Чтоб им провалиться! — буркнула Помоечница. — Сколько раз я себе говорила: пора с этим завязывать. Вся моя жизнь — это сплошные котята.

— Сколько же у тебя детей? — спросила Мурли. Помоечница поскребла за ухом.

— Чтоб я знала, пропади они пропадом!

Помоечница была грубовата. Но бродячей кошке, сами понимаете, не до светских манер.

— Ладно, не обо мне речь, — проворчала она. — Твои дела куда хуже моих. Как же это тебя угораздило?

С брезгливым любопытством она оглядела Мурли со всех сторон.

— Понятия не имею. — Мурли погрустнела. — И знаешь, что самое ужасное? Полбеда, если бы я стала человеком совсем. Так ведь нет: я какая-то серединка на половинку.

— Никакой серединки на половинку я в тебе не вижу. Вылитый человек.

— Я имею в виду внутренне, — пояснила Мурли. — У меня остались все кошачьи повадки. Я мурлыкаю, шиплю, трусь головой, как кошка. Вот только моюсь я мочалкой. А что до мышей... надо попробовать.

— А помнишь ли ты Великую Мартовскую Мяу-Мяу Песнь? — спросила Помоечница.

— Кажется, помню.

— А ну-ка, затягивай!

Мурли открыла рот и издала мерзейший кошачий вопль, которым все уважающие себя кошки встречают весну.

Помоечница немедленно присоединилась к ней, и их душераздирающий истошный вой огласил округу. Концерт продолжался до тех пор, пока на крыше не распахнулось слуховое окно и кто-то не запустил в них бутылкой. Бутылка приземлилась как раз между ними, и они брызнули врассыпную.

— Получается! — радостно крикнула Помоечница. — Знаешь, что я тебе скажу: у тебя всё наладится. Тот, кто так хорошо поет, никогда не перестанет быть кошкой. Ты случаем ничего не чувствуешь на верхней губе? Усики не пробиваются? Мурли проверила.

— Нет, — вздохнула она.

— А хвост? Что у тебя с хвостом?

— Совсем исчез...

— А ты не чувствуешь, что снова становишься кошкой?

— Нет, ни малейшего намека.

— А дом у тебя есть? — поинтересовалась Помоечница.

— Мне показалось, что есть... Но там, наверное, ничего не выйдет.

— У этого парнишки из газеты?
 — У него. — Мурли кивнула. — Я ещё немножко надеюсь, что он меня позовет. Я оставила свой чемоданчик там неподалеку, за печной трубой.
 — Уж лучше бродяжничать, — посоветовала Помоечница. — Самое милое дело. Присоединяйся ко мне. Я тебя познакомлю с кучей своих отпрысков. Всех их разбросало по белу свету. Один мой сын пристроился при фабричной столовой. А одна моя дочь живёт в городской ратуше, её зовут Муниципалка. Другой сын...

— Тс-с-с, подожди, — перебила её Мурли. Они замолчали. По крышам прокатился крик:

— Мурли, кис-кис-кис!

— Ну вот, — прошептала Мурли. — Он зовет меня.

— Не ходи, — фыркнула Помоечница. — Давай бродяжничать. Свобода дороже! Вот увидишь, он отнесёт тебя в корзинке к ветеринару. Тебе сделают укол!

Мурли заколебалась.

— Всё-таки я пойду, — решила она.

— Ты совсем рехнулась, — сказала Помоечница. — Пойдем со мной. Я знаю один фургон, на пустыре... там тебе будет и крыша над головой, и там ты опять запросто превратишься в кошку.

— Кис-кис-кис, Мурли!

— Я иду!

— Не ходи, дуреха! Подумай, если у тебя будут котята, их всех утопят!

— Кис-кис... юфрау Мурли!

— Я обязательно с тобой встречусь, — быстро сказала Мурли. — Здесь, на крыше. Пока!

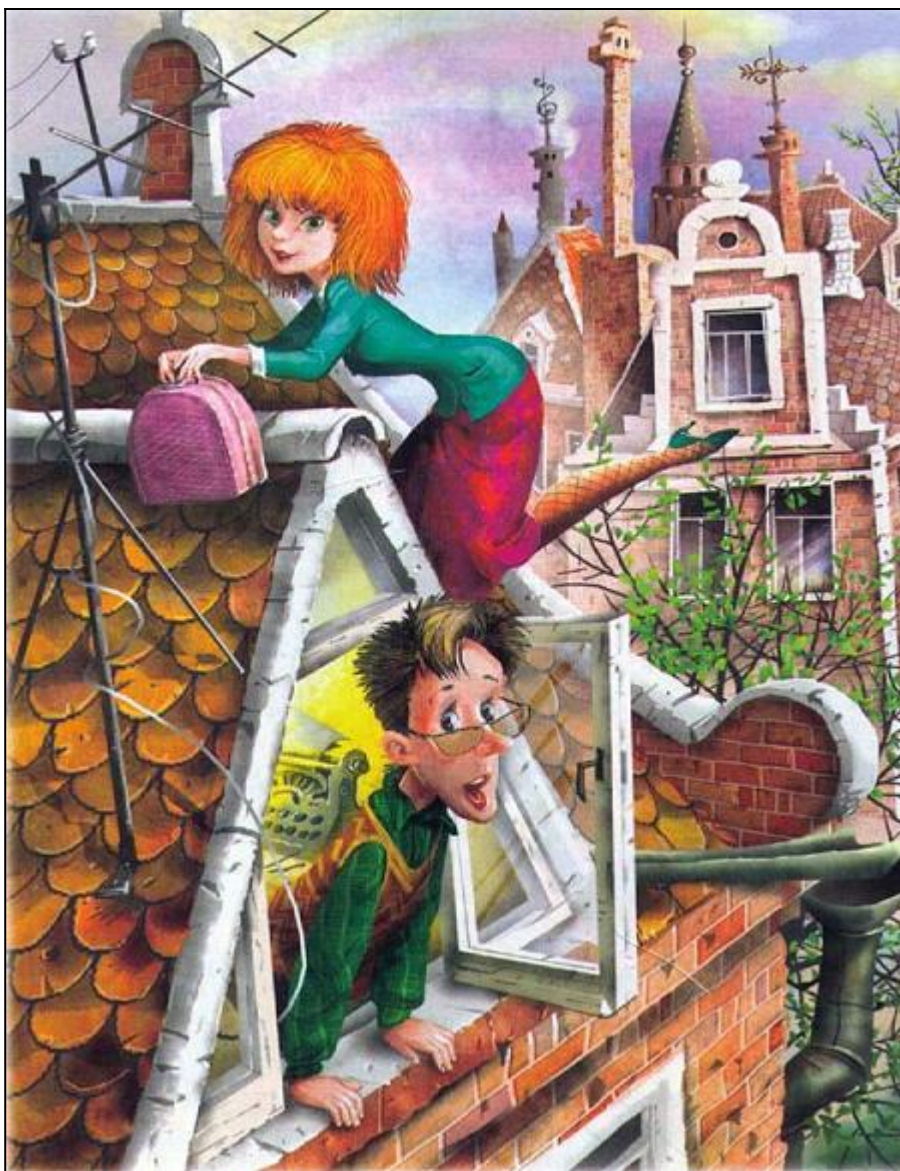
Она спрыгнула на соседнюю черепичную крышу, ловко вскарабкалась на гребень, перемахнула на другую сторону, спустилась к трубе, подхватила чемоданчик, и вот уже она стояла перед знакомым окошком на кухню.

— Вы меня звали? — спросила она.

— Заходите, юфрау, — пригласил Тиббе. — Присаживайся, Тиббе, — пригласил главный редактор.

Тиббе опустил на стул. Прошла ровно неделя с того дня, как он сидел на том же стуле, щурясь от света настольной лампы, направленного на него. Тогда состоялся ужасно неприятный разговор. Теперь всё было иначе.

— Уж не знаю, что на тебя так подействовало, но ты очень изменился, Тиббе, — сказал главный редактор. — А ведь ещё на прошлой неделе я чуть было не уволил тебя, помнишь? Да-да, я

собирался это сделать. Думаю, ты и сам догадывался. Всё же я хотел дать тебе последний шанс. И гляди-ка! За эту неделю ты принес новостей больше, чем за всё время работы. Ты первым узнал про юбилей господина Смита. И первым сообщил о новом бассейне. Строительство же держалось в тайне. А ты как-то выведал... Скажи мне честно, как тебе это удалось?

— Ну... — пробормотал Тиббе, — поговоришь то с одним, то с другим...

И «одним» и «другим» была, естественно, Мурли. А она узнала про бассейн от Муниципалки, которая, сидя на подоконнике, присутствовала на всех тайных заседаниях Муниципального Совета.

— А эта заметка про церковный клад! — продолжал главный редактор. — Горшок со старинными монетами, найденный во дворе церкви. Ты опять как будто видел всё собственными глазами. И снова первым написал про это.

Тиббе скромно потупился. Эту новость принесла другая дочь Помоечницы — Просвирка, жившая при церкви. Она же, между прочим, и нашла горшок с монетами, когда рыла землю в саду по очень важной кошачьей надобности.

Тиббе сразу же рассказал об этом церковному сторожу. А потом настроил заметку.

— Продолжай в том же духе, Тиббе, — призвал его главный редактор. — Судя по всему, ты справился со своей робостью.

Тиббе покраснел. Это было не так... к сожалению. Он оставался таким же застенчивым, как и прежде. Все новости приносили ему кошки, он же только записывал их. Впрочем, иногда... нет, довольно часто ему приходилось проверять кошачью информацию. Как правило, достаточно было одного телефонного звонка: «Я слышал, менеер, то-то и то-то... Правда ли это?» И практически всегда кошачьи сведения подтверждались. Кошки никогда не обманывали.

В Киллендорне проживало множество кошек — по несколько в каждом доме. Вот и сейчас одна из них сидела на подоконнике в кабинете главного редактора. Вернее, это был редакционный кот Ластик. Он подмигнул Тиббе.

«Вот сидит и подслушивает, — подумал Тиббе. — Надеюсь, он не будет рассказывать про меня всякие гадости».

— И вот что я думаю, — важно сказал главный редактор, — пожалуй, в конце месяца тебе стоит прибавить зарплату.

— Благодарю вас, менеер.

Украдкой Тиббе взглянул на Ластика и почувствовал, что снова краснеет. В глазах кота ему почудилась холодная усмешка. «Наверное, он считает меня подхалимом», — подумал Тиббе.

На улице ярко светило солнце, и Тиббе вдруг захотелось побежать вприпрыжку или запрыгать на одной ножке — такое облегчение он почувствовал.

И всем знакомым, которые встречались ему по пути, он радостно кричал: «Привет!»

Повстречалась ему и Биби, соседская девочка, иногда заходившая к нему в гости.

— Хочешь мороженого? — спросил Тиббе. — Пойдем, я куплю тебе самое вкусное.

Биби училась в школе господина Смита. Она рассказала Тиббе, что у них будет конкурс на лучший рисунок и она намерена нарисовать большую-пребольшую картину.

— И что же ты собираешься изобразить? — спросил Тиббе.

— Кошку, — ответила Биби.

— Ты любишь кошек?

— Я вообще люблю животных. — Она лизнула розовый шарик.

— Когда нарисуешь, обязательно дай взглянуть, — сказал Тиббе и поспешил домой.

Уже неделю юфрау Мурли жила у него на чердаке, и всё шло как нельзя лучше. Тиббе казалось, что он обзавелся второй кошкой.

Мурли по-прежнему спала в коробке. Обычно она спала днем, а по ночам вылезала через слуховое окошко на крышу. Она гуляла там с окрестными кошками и лишь к утру возвращалась домой.

Но самое главное — она добывала новости. В первые дни в поисках новостей по крышам мотался Флюф. Правда, репортером он был никудышным. Чаще всего он возвращался с сообщениями о кошачьих боях, о крысе, пойманной в портовом районе, или о селёдочной голове, найденной на

помойке. А иной раз повторял людские сплетни.

Нет, настоящим добытчиком информации была Помоечница. Она знала буквально всё.

Вероятно, это было связано с тем, что она бродяжничала по всему городу, причём ухитрялась стирать всё, что плохо лежит. А ещё у неё было огромное потомство.

Повсюду проживали дети и внуки Помоечницы. Каждую ночь Мурли встречалась с ней на крыше Страхового банка. И обязательно приносила в пакетике рыбку.

— Спасибочки, — говорила Помоечница, набрасываясь на еду. — Моя дочь Муниципалка ждет тебя возле ратуши. Она сидит на одном из каменных львов, у неё для тебя есть новость. Или:

— Кошка мясника хочет тебе кое-что рассказать. Она живёт в третьем саду слева, если считать от каштана.

Мурли тут же спускалась по пожарной лестнице с крыши Страхового банка, пробиралась задними дворами и тёмными переулками к назначенному месту.

— Скоро мы будем встречаться в другом месте, — сказала ей при встрече Помоечница. — Чую я, что котята родятся через несколько дней и мне придется торчать с этой мелюзгой, а не лазать по крышам. Но это на КИС, само собой, никак не отразится.

— Что за «кис»?

— Кошачья Информационная Служба — КИС, — важно пояснила Помоечница. — Все кошки оповещены, что твой хозяин ждет новостей, и будут держать ушки на макушке. Сама знаешь, кошки всё видят и слышат. И будут передавать новости по цепочке.

— Где же ты собираешься рожать котят? — спросила Мурли. — Ты уже подыскала место?

— Ещё нет, как раз этим и занимаюсь.

— Не хочешь ли устроиться у нас, на чердаке?

— Вот ещё! — возмутилась Помоечница. — Свобода дороже! До такого я никогда не опущусь!

— Мой хозяин очень симпатичный, — пробовала уговорить её Мурли.

— Да знаю я. Он хороший человек, насколько вообще могут быть хорошими люди... но он не в моем вкусе. Может, ещё у какого ребенка я бы и согласилась. Ты знаешь Биби?

— Нет.

— Она рисует меня, — гордо сообщила Помоечница. — Вот так-то! Даже сейчас, с этим огромным брюхом, я кажусь ей красивой. Есть над чем подумать, а? Ну ладно, я дам тебе знать, когда найду место. Пристроюсь где-нибудь в городе, чтоб было радио.

— А радио-то тебе зачем?

— Я предпочитаю под музыку разродиться, — пояснила Помоечница. — Тогда легче. И веселей. Поимей в виду, когда сама соберешься рожать.

* * *

Возвратившись домой, Мурли рассказывала Тиббе, как ей удалось добыть ту или иную новость.

— Ну и организация! — однажды восхищенно воскликнул Тиббе. — Прямо настоящая кошачья пресс-служба!

— Не уверена, что мне нравится это слово, — поморщилась Мурли. — Кошачья пресс-служба... кошачий пресс... пресс, который давит кошек...

— Да не пресс, а пресса, информация! — растолковал ей Тиббе. — Кошачья пресс-служба, то есть информационная служба.

Для него эта организация была настоящим спасением. Лишь благодаря кошкам дела его пошли в гору.

Иной раз, приходя после работы домой, он заставал Мурли на корточках в углу. Она сидела неподвижно, уставившись на дырочку в стене возле самого пола.

— Юфрау Мурли! — окликал её Тиббе. — Когда же наконец вы оставите ваши кошачьи замашки? Дамам неприлично сторожить мышиную норку!

Она вставала и ласково терлась головой о его плечо.

— Это тоже неприлично, — вздыхал Тиббе. — Дамы не трутся головой и не мурлычат. Мне бы хотелось, чтобы вы поскорей отучились от ваших кошачьих штук.

— «Кошачьи» — тоже нехорошее слово, — поправила его Мурли. — Нужно говорить «кошкины».

— Пусть будут «кошкины». И вообще мне кажется, что вы всё больше становитесь кошкой. Вам нужно общаться с людьми. И меньше шляться по крышам, а ходить днем по улицам.

— Я опасаюсь, господин Тиббе. Я боюсь людей.

— Но это же глупо! С какой стати вам бояться людей?

Она смущенно взглянула на него и скрылась в кладовке.

«Тоже мне учитель выискался, — подумал Тиббе. — Я и сам всех боюсь. Мне самому куда больше нравится общаться с кошками».

Но он решил проявить принципиальность.

— Что я вижу! — воскликнул он однажды. Мурли умывалась. Она облизывала языком руку, а потом облизанной рукой терла за ухом.

— Ну уж это не лезет ни в какие ворота! — закричал Тиббе.

— Просто я... — виновато пробормотала Мурли, — я думала, что так получится быстрее.

— Что получится быстрее? Умыться?

— Нет, под душем, конечно, быстрее. Я имела в виду — опять превратиться в кошку. Я всё ещё надеюсь... всё-таки мне хочется быть кошкой. Тиббе рухнул на диван.

— Ради Бога, — сказал он, — бросьте вы эти ваши дурацкие шуточки. Вы никогда не были кошкой, всё это фантазии, вам это приснилось.

Мурли промолчала.

— К сожалению, — продолжал Тиббе, — я не верю в ваши выдумки.

Мурли зевнула и пошла прочь из комнаты.

— Что вы собираетесь делать?

— Пойду в свою коробку, — ответила она. Флюф потерял о её ноги, и они скрылись за дверью.

— Уж если вы были кошкой, назовите имя вашего хозяина!

Мурли не удостоила его ответом. Тиббе услышал мурлыканье. Кошачий разговор. Две кошки о чём — то совещались в кладовке. Как-то раз, поднимаясь к себе на чердак, Тиббе услышал сердитые крики. Ему показалось, что в комнате у него дерутся кошки.

Он помчался наверх, перепрыгивая через три ступеньки, и, словно ураган, ворвался в свое жилище. У него были гости. Однако сцена, представшая перед его взором, мало напоминала дружественный визит.

На полу сидела маленькая девочка Биби. Напротив неё, тоже на полу, сидела Мурли, и обе они, вырывая что-то друг у друга из рук, истошно вопили.

— Что здесь происходит? Что там у вас такое? — воскликнул Тиббе.

— Отпусти! — кричала Биби.

— Что там? — Тиббе бросился их разнимать. — Юфрау Мурли! Немедленно отпустите!

Глаза Мурли хищно сверкнули, сейчас она походила на кошку больше, чем когда-либо.

В её взгляде мелькнуло что-то холодное и зловещее, она не разжимала руку. Её пальцы с острыми коготками ещё крепче вцепились во что-то.

— Отпустить, я сказал! — гаркнул Тиббе и ударил Мурли по руке.

Отшатнувшись, она злобно зашипела и разжала пальцы. Её коготки, словно молния, полоснули его по носу.

Тиббе увидел, что это было. Полуживая белая мышь. Плача от страха и возмущения, Биби осторожно взяла мышку и посадила её в коробочку.

— Бедненькая моя мышка, — всхлипывала она. — Я только хотела её показать, а эта... как наскочит... Я пошла домой. Ноги моей больше здесь не будет!

— Подожди, Биби, — заволновался Тиббе. — Пожалуйста, не уходи. Это юфрау Мурли. Она... она...

— Тиббе на минуту задумался. — Она моя секретарша и совершенно не злая. Честное слово, она просто обожает мышей.

Мурли уже поднялась с пола, она не сводила глаз с коробочки. Было заметно, что мышей она действительно обожает, правда, не совсем в том смысле, какой подразумевал Тиббе.

— Не так ли, юфрау? — строго спросил он. — Вы не причините зла бедной мышке?

Мурли наклонила голову, собираясь потереться о его плечо, но Тиббе отступил в сторону.

— А это что у тебя такое, Биби? — спросил Тиббе, указывая на большой металлический ящик.

— Это копилка. Я хожу с ней по домам и собираю деньги. — Биби шмыгнула носом. — На юбилейный подарок господину Смиту. А у вас на носу кровь.

Тиббе потер нос. И впрямь кровь.

— Ерунда, — отмахнулся он, — давай я тоже брошу что-нибудь в твою копилку.

— А ещё я пришла показать рисунок. — Биби уже окончательно успокоилась. Она развернула большой лист ватмана, и Тиббе с Мурли воскликнули в один голос:

— Да это же Помощница! Прямо как живая!

— Я нарисовала её для школьного конкурса, — сказала Биби.

— Гениально! — восхитился Тиббе, чувствуя, как по лицу ползет капелька крови. — Пойду поищу в душевой пластырь. — Он строго взглянул на свою секретаршу. — Я надеюсь, что вы сумеете держать себя в руках, юфрау Мурли.

Он поставил коробочку с мышью на письменный стол, смерил Мурли грозным взглядом и вышел из комнаты.

Роясь в аптечке, он прислушивался: не началась ли там новая заварушка.

«Теперь у меня имеется секретарша, — вспомнил он. — Неплохо звучит, даже шикарно. Правда, за секретаршей нужен глаз да глаз: иначе она так и норовит слопать симпатичных белых мышек у симпатичных маленьких девочек».

С пластырем на носу он поспешил назад в комнату. К его несказанному удивлению, за это время дамы успели подружиться. Коробочка с мышью по-прежнему — от греха подальше — пряталась среди бумаг на его столе.

— А можно мне походить по вашему чердаку? — спросила Биби.

— Сколько угодно! — разрешил Тиббе. — У меня есть ещё одна кошка... я имел в виду — кот. Его зовут Флюф, он вечно где-то шляется. Юфрау Мурли, вы не покажете Биби наш чердак? Мне пора за работу.

Уже сидя за письменным столом, Тиббе слышал, как они шептались о чём — то в кладовке. В общем он был рад, что у Мурли появилась подружка. Когда Биби собралась уходить, он спросил её:

— Ну что, придешь к нам ещё?

— Приду, — кивнула Биби.

— Не забудь свою копилку. Я туда тоже кое-что опустил.

— Отлично, — улыбнулась девочка.

— И не забудь рисунок. И коробочку с... ну, ты сама понимаешь.

В присутствии секретарши он не рискнул произнести слово «мышь».

— Надеюсь, что ты получишь первый приз! — крикнул он вслед Биби.

* * *

Этажом ниже Тиббе проживала хозяйка дома мейфрау Фан Дам.

К счастью, Тиббе пользовался отдельным входом, так что он не часто с ней сталкивался.

В тот день мейфрау Фан Дам сказала своему мужу:

— Отложи-ка газету. Я хочу с тобой поговорить.

— О чём? — спросил её муж.

— О нашем жильце.

— А, об этом молодом человеке? Тиббе, кажется? Что с ним приключилось?

— Я подозреваю, что у него кто-то есть.

— Что ты имеешь в виду? Как это «кто-то есть»?

— Судя по всему, у него живёт женщина.

— Ну и что, это его личное дело, — сказал господин Фан Дам и снова уткнулся в газету.

— Да, но это очень странная женщина.

— В любом случае это нас не касается, — пожал плечами муж.

Выдержав паузу, мефрау Фан Дам продолжила:

— Она всё время сидит на крыше.

— Кто?

— Эта женщина. Она проводит там все ночи.

— Ты-то откуда знаешь? — хмыкнул господин Фан Дам. — Ты тоже ночами гуляешь по крышам?

— Нет, но соседка с верхнего этажа иной раз выглядывает из чердачного окна и всегда видит её на крыше. В окружении кошек.

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу все ваши сплетни, — проворчал муж и снова углубился в чтение.

Раздался звонок, и мефрау Фан Дам поспешила открыть дверь.

На пороге стояла Биби со своей копилкой.

— Я собираю деньги на подарок господину Смиуту. Не хотите ли принять участие?

— Конечно, — расцвела мефрау Фан Дам. — Проходи и садись.

Болтая ногами, Биби сидела на стуле, на коленях у неё стояла копилка, свернутый в трубочку рисунок был зажат под мышкой, коробочку с мышью она крепко держала в руке.

— Скажи-ка, детка, ты уже была наверху? На чердаке? — как бы невзначай спросила мефрау Фан Дам.

— Ага, — кивнула Биби, — у господина Тиббе и юфрау Мурли.

— Юфрау Мурли? Кто это? — живо осведомилась мефрау Фан Дам. И бросила в копилку гюльден.

— Его секретарша.

— Вот оно что.

— Она спит в коробке.

Господин Фан Дам оторвался от газеты и взглянул на Биби поверх очков.

— В коробке?

— Да, в большой картонной коробке. Она сворачивается там калачиком. А по ночам вылезает через слуховое окошко и гуляет по крышам. А ещё она разговаривает с кошками.

— О! — поднял брови господин Фан Дам.

— Честное слово, она умеет говорить по-кошачьи.

Когда Биби ушла, мефрау Фан Дам сказала:

— Ну? Что я тебе говорила? Разве не странная женщина живёт над нами?

— Немного странная, — согласился муж. — Но я остаюсь при своем мнении, что это не наше дело.

— Послушай! — вскипела она. — В конце концов это же наш чердак. А Тиббе — всего-навсего наш

жилец. И я желаю знать, что происходит под моей крышей.

— Что же ты собираешься предпринять? — поинтересовался господин Фан Дам.

— Я пойду к нему.

— Без приглашения? И что ты скажешь?

— Пока не знаю. Что-нибудь придумаю.

Мефрау Фан Дам нарядилась в шубу, хотя вовсю уже грело весеннее солнце и по улице надо было ступить два шага.

Она собиралась звонить в дверной звонок, но этого не понадобилось, потому что входная дверь была открыта. Мефрау Фан Дам поднялась по лестнице на чердак. Лестница крутая, до верха далеко, и в своей шубе мефрау Фан Дам пыхла и отдувалась, как паровоз.

— Здравствуйте, мефрау! — приветствовал её Тиббе.

— Здравствуйте, Тиббе. Вы уж не обессудьте, я к вам просто так — по-соседски...

— Что вы, что вы, проходите. Не хотите ли снять шубу?

— Нет-нет, я на минутку, — зачастила мефрау Фан Дам, шаря глазами по комнате.

К её досаде, в комнате никого, кроме Тиббе, не было.

— Как у вас тут мило... И кухня такая славная... И вид на крышу прекрасный...

— Не хотите ли чаю?

— Ах нет, спасибо. Я зашла лишь проведать вас. Я всегда читаю ваши заметки в газете. Такие милые заметки... А что это у вас там... за каминной трубой... можно взглянуть?

— Там кладовка, — сказал Тиббе, — туда свален всякий хлам — старые стулья, коробки...

Она проскочила мимо него, оживленно щебеча:

— Ах, как это мило! Такой чудесный уголок старого чердака!

Тиббе беспомощно плелся за ней. Мефрау Фан Дам остановилась возле большой картонной коробки и заглянула внутрь. Под её тяжестью протяжно скрипнула половица.

Мурли проснулась. Её глаза широко раскрылись, и она с воплем выскочила из коробки.

Мефрау Фан Дам в испуге отшатнулась. На неё глядели полные ярости кошачьи глаза. Рука с острыми розовыми коготками метнулась в её сторону, и странное существо зашипело.

— Прошу прощения, — пробормотала мефрау Фан Дам, поспешно отступая. Она повернулась, намереваясь поскорее унести отсюда ноги, но Тиббе дружелюбно улыбнулся.

— Разрешите представить вам мою секретаршу, юфрау Мурли... А это — моя квартирная хозяйка, мефрау Фан Дам.

Мефрау Фан Дам с трудом заставила себя обернуться. Странное существо превратилось в вежливо улыбающуюся молодую даму.

— Приятно познакомиться, — еле выговорила мефрау Фан Дам.

— Не хотите ли присесть?

— Нет-нет, мне пора. У вас очень милая квартирка.

Она внимательно осмотрела пластырь на носу Тиббе и сказала:

— До свидания.

Когда мефрау Фан Дам удалилась, Тиббе вздохнул.

— Это же её чердак. Я снял чердак у неё.

— Отвратительно! — воскликнула Мурли.

— Да нет... почему отвратительно? Я плачу ей квартирную плату. И больше у меня нет с ней никаких дел.

— Я не это имею в виду, — сказала Мурли. — Отвратительно другое... я насчитала их двадцать!

— Двадцать? Кого двадцать?

— Кошек.

— Двадцать кошек? Где?

— У неё на шубе, — прошептала Мурли, дрожа всем телом. — Я так хорошо спала и вдруг в ужасе проснулась, потому что передо мной возникли двадцать мертвых кошек.

— Так вот почему вы зашипели! И чуть было не поцарапали её. Вам пора научиться держать себя в

руках, юфрау Мурли. Поцарапать даму лишь за то, что она носит шубу из кошачьего меха? Фу!

— Если она ещё хоть раз появится здесь, я и в самом деле расцарапаю ей всю физиономию, — пообещала Мурли.

— Глупости! Она купила шубу в магазине, а кошки были к этому времени уже давно мертвы. Всё оттого, что вы мало общаетесь с людьми. Вы слишком много времени проводите на крышах. И редко выходите на улицу.

— Сегодня ночью я была на улице.

— Вы должны ходить по улице днем. За покупками, как все приличные дамы. С корзинкой в руке Мурли шла по улице.

Не считая того первого раза, когда она искала жилье, Мурли редко видела улицу при свете дня. С крыш она смотрела на город, погруженный в ночную тьму. Задние дворы и помойки были ей куда родней улиц и площадей.

Она шла, подавляя в себе желание шагнуть в подворотню или спрятаться за стоящим автомобилем. Люди и гудящий, бречащий, гроыхающий транспорт вызывали в ней тревогу.

«Мне не положено шарахаться в подворотни, — внушала она себе. — Я — дама, делающая покупки. Вон идет собака. Мне нельзя пугаться, это же маленький, совсем нестрашный песик... и шипеть на него тоже нельзя. И принюхиваться к мусорным ящикам тоже не стоит. Я иду по магазинам, как подобает всякой уважающей себя даме».

Издали Мурли учуяла запах селёдки из палатки на Грунмаркт, и ноги сами понесли её в ту сторону.

Приблизившись к палатке, она сначала сделала вокруг неё несколько кругов, потом вдруг её осенило: «Я ведь могу купить селёдку! У меня же есть кошелек. Мне не нужно выпрашивать и тащить исподтишка». Она подошла к продавцу. От селёдочника исходил такой чудесный запах, что Мурли потёрлась головой о его плечо. Он, правда, этого не заметил — с таким усердием чистил селёдку.

Она купила селёдку, копчёную рыбу и свежую макрель — всего очень помногу, и, расплачиваясь, опять не выдержала и потёрлась головой о рукав селёдочника. Тот удивлённо уставился на неё, но Мурли уже зацокала каблучками по направлению к булочной.

Путь её лежал мимо школы господина Смита. Окна стояли настежь, оттуда доносилось детское пение. Мурли увидела поющий класс. Биби пела со всеми вместе.

На подоконник вспрыгнула кошка. Это была школьная кошка Промокашка.

— Носик-носик! — промурлыкала она.

Мурли коснулась носом холодного розового носа Промокашки. Таким образом здоровались все городские кошки, если только они не были в ссоре.

— Если дашь мне кусочек рыбы, — сказала Промокашка, — я скажу тебе новость.

Мурли дала ей кусочек рыбы.

— Потрясающая новость, — сообщила Промокашка. — Сегодня ночью Троянский конь въехал в город. Троя пала. Позаботься, чтобы это обязательно попало в газету.

— Большое спасибо, — поблагодарила Мурли. Через два дома на солнышке грелся Косой Симон, сиамский кот господина Смита.

— Дай мне кусочек рыбы, — попросил он. — Я тебе кое-что расскажу.

Схватив рыбу, он проорчал:

— Никогда не слушай эту Промокашку. Она всё время торчит в школе на уроках истории. Ей ужасно нравится, о чём там рассказывают, и ей кажется, что всё это произошло на днях.

— Я понимаю, — кивнула Мурли. — А что ты хотел мне сообщить?

— Вот это и хотел, — сказал Симон.

— Все вы хотите только рыбу, — вздохнула Мурли. — К счастью, у меня её много.

Дальше путь Мурли лежал мимо фабрики. Это была парфюмерная фабрика, где выпускали флакончики с прекрасными ароматами. Всё вокруг пахло чуть увядшими фиалками. Совсем не так приятно, как у селёдочной палатки.

Мурли хотела, зажав нос, пробежать мимо, но под ногами у неё вертелся фабричный кот. Это был сын Помоечницы Парфюм. Он невыносимо благоухал фиалками.

— У тебя, конечно, найдется для меня новость, если я дам тебе кусочек рыбы, — сказала Мурли.

— Как ты догадалась? — удивился Парфюм.

— Я могу дать тебе немного макрели.

— Во-первых, — кот раздулся от важности, — самого симпатичного работника фабричной столовой вышвырнули на улицу. Вон он стоит. Его зовут Биллем. Очень жалко, потому что он всегда был ласков со мной и каждый день меня гладил.

— Почему же его вышвырнули? — спросила Мурли.

— Потому что он всё время опаздывает.

— Да, в самом деле жаль. — Мурли вздохнула. — Но это не новость для газеты.

— Как это не новость? — возмутился Парфюм. — Ну ладно, это было во-первых. Теперь будет во-вторых. Существуют планы расширения фабрики. Вчера я сидел на закрытом заседании. Весь район превратится в огромную парфюмерную фабрику.

— Вот это действительно новость, — сказала Мурли. — Очень тебе признательна.

— Но одобрения пока не получено! — крикнул ей вслед Парфюм. — Его должен дать Муниципальный Совет.

Во время прогулки по магазинам Мурли встретила не так-то уж много людей. Зато кошки ей попадались на каждом шагу, особенно на пути от селёдочной палатки к булочной.

Булочница стояла за прилавком и обслуживала двух дам. Мурли чинно встала в очередь. Тут из жилых помещений, пронзительно мяукая, выбежала кошка булочницы Булочка.

«Учуяла мою рыбу», — подумала Мурли, но Булочке было не до рыбки.

— Скорее, скорее! — мяукала кошка. — Предупреди хозяйку, скорее!

Мурли живо подошла к прилавку и сказала:

— Прошу прощения, но ваш сыночек Япье схватил бутылку с бензином. Наверху, в ванной.

Булочница испуганно взглянула на неё, выронила из рук сдобные булочки и, не произнеся ни слова, исчезла за дверью.

Мурли почувствовала на себе взгляды двух незнакомых дам, стоявших возле прилавка. Она скромно потупилась и охотно удрала бы отсюда, однако булочница уже вернулась в магазин.

— Так оно и было, — тяжело дыша, проговорила она. — Я поднялась наверх и увидела Япье... ему

три года... он собирался попробовать бензин из бутылки... Приди я минутой позже... Не знаю, как и благодарить вас, юфрау, за то, что вы меня предупредили.

Внезапно она замолчала и оторопело уставилась на Мурли.

— Откуда вы узнали? — спросила она. — Вы же не могли увидеть его отсюда?

«Ваша кошка Булочка мне сказала», — чуть было не сорвалось у Мурли с губ, но под пронзительными взглядами двух дам она лишь пробормотала:

— Я... у меня появилось такое чувство...

— В любом случае огромное спасибо. Кто следующий?

— Мы пропускаем юфрау вперед, — сказали дамы.

Мурли купила хлеб, сухарики и расплатилась. Стоило ей выйти за дверь, как обе кумушки наперебой затараторили:

— Это же юфрау господина Тиббе!

— Она его секретарша... спит в коробке!

— А ночью сидит на крыше!

— Очень странная дамочка...

— Довольно, — остановила их булочница. — Может, она и странная дамочка, мне она сослужила добрую службу. И хватит её обсуждать. Половинку черного, вы говорите?

* * *

Тем временем Тиббе поджидал свою секретаршу.

Прошло больше часа с тех пор, как Мурли пошла по магазинам. Ей нужно было только купить хлеб и рыбу, на это не требовалось много времени.

Он сидел за письменным столом и в нетерпении грыз ногти. В тот самый миг, когда он уже собирался пойти её искать, зазвонил телефон.

— Алло! — сказал Тиббе.

— Добрый день, господин Тиббе, с вами говорит мефрау Фан Дам. Видите ли, в чём дело... Я звоню из телефонной будки. Ваша секретарша сидит на дереве. И никак не может спуститься.

— О, благодарю вас, — выдохнул Тиббе.

— Всегда к вашим услугам.

«На каком дереве», — вдруг сообразил Тиббе, но она уже положила трубку.

— Снова-здорово! — воскликнул Тиббе и бегом припустился по улице.

Первым делом он бросился на Грунмаркт, там было больше всего деревьев. Прибежав на место, он сразу заметил небольшую толпу вокруг дерева. Это было другое дерево, ещё выше прежнего. Биби тоже толкалась там, потому что занятия в школе уже закончились.

— За ней погналась собака, — объяснила Биби.

— Понимаю, — сказал Тиббе. — Как же теперь помочь ей спуститься?

— Ей уже помогает селёдочник. Он сам залез на дерево.

Под жадными взорами зевак Мурли с помощью селёдочника спрыгнула сначала на крышу овощного лотка, а потом на землю.

— Премного благодарна. — Она улыбнулась ему очаровательной улыбкой и напоследок ещё раз вдохнула замечательный запах его одежды. — Ах, где-то здесь должна стоять моя корзинка.

Тиббе поднял с земли корзинку и обнаружил в ней хлеб, сухарики и совсем немного рыбы.

— Что-то нужно придумать, — сказал он, когда они вернулись домой. — Так больше не может продолжаться.

Мурли сидела в уголке и печально смотрела на него.

— Это был тот же самый пес, — вздохнула она. — Его зовут Марс.

— Это не повод лазать по деревьям, — возразил Тиббе. — Что за кошачьи штучки! Вы должны отучиться от них.

— Как приятно, когда тебя спасает селёдочник, — мечтательно протянула Мурли.

Тиббе вконец разозлился, но прежде чем он успел вспылить, она кротко заметила:

— По пути я собрала для вас кое-какие новости.

Она рассказала ему о планах расширения парфюмерной фабрики. Это немного успокоило Тиббе: у него вновь было о чём писать. Когда следующей ночью Мурли выбралась на крышу, Помоечницы там не было. Вместо неё Мурли поджидала другая кошка. Это была Промокашка.

— Тебе привет, — сказала она. — Помоечница не может прийти.

— У неё родились котята?

— Штук семнадцать, мне кажется, — поморщилась Промокашка.

— Где же они все?

— Знаешь автостоянку за бензоколонкой? Дворами к большому боярышнику, а там перелезть через изгородь. На автостоянке несколько заброшенных фургонов. В одном из них она и живёт. Временно, конечно.

— Я сейчас же пойду к ней, — сказала Мурли.

— Дай сначала кусочек рыбки.

— Это не для тебя, я берегу рыбу для Помоечницы. И молоко для неё.

— Молока мне не надо. А если ты дашь мне кусочек рыбки, я расскажу тебе новость для газеты.

Мурли дала ей самый маленький кусочек.

— Александр Македонский начал новый поход, — изрекла Промокашка. — Об этом нужно немедленно сообщить в газете.

— Спасибо, — поблагодарила Мурли. Она поняла, что Промокашка опять сидела на уроке истории.

Тёмными дворами Мурли добралась до гаража, где днем ремонтировали машины. Гараж был закрыт, но бензозаправка работала: там горел свет, гремело маршами радио.

Судя по всему, Помоечница нашла то, что искала. Облегчающую роды музыку.

Стоянка за бензозаправкой была погружена во тьму. Дремали притихшие автомобили, позади них приткнулись фургоны.

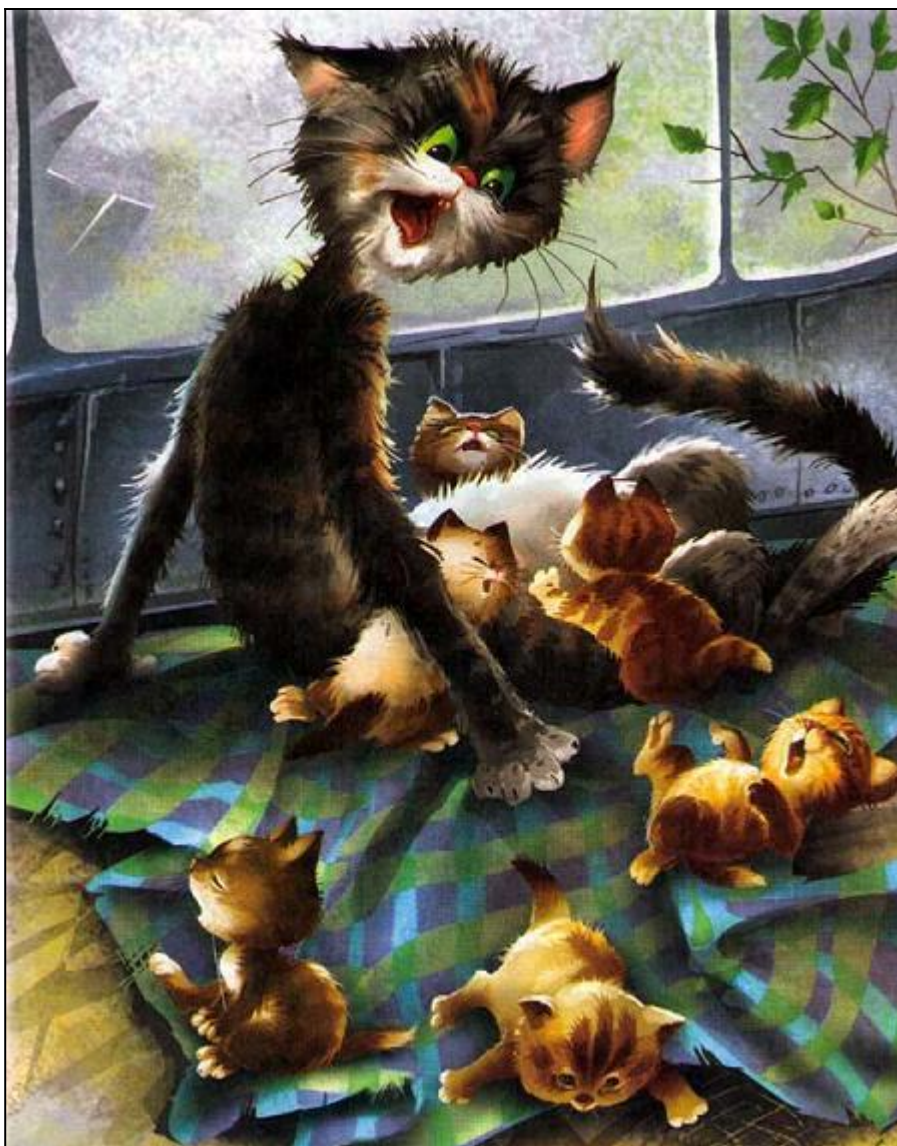
Обычному человеку трудно было бы отыскать дорогу в такую темень, но Мурли, сохранившая все кошачьи свойства, ориентировалась в темноте так же, как при свете дня, поэтому она без труда

нашла жилище Помоечницы.

Это был старый заброшенный фургон. Одно окно было выбито, занавеска полоскалась по ветру, дверные петли скрипели. Внутри, на старом одеяле, лежала Помоечница. Рядом с ней копошились котята.

— Целых шесть! — возопила она с обидой. — Представляешь? Вот ведь угораздило. И чем я заслужила такое? Вон взгляни. А ну-ка, вылезайте из-под меня, мелюзга! — прикрикнула она. — Смотри, теперь их лучше видно. Один рыжий. Точь-в-точь вылитый папаша, здешний кот Бензин. Все остальные такие же помоечники, как и я. А сейчас дай мне чего-нибудь поесть, я просто умираю с голоду!

Мурли опустилась на колени рядом с ней и оглядела шестерых пищущих котят. У них были маленькие хвостики, ещё слепые глазки и крошечные коготки. С

бензозаправки доносились звуки радио.

— Слышишь? — спросила Помоечница. — Правда здорово? Я тут с комфортом устроилась.

— А здесь не опасно? Чей это фургон?

— Ничей. Он уже много лет пустует. Сюда никто не приходит. Ты не встречалась с Бензином?

— Нет.

— Он ещё ни разу не удосужился прийти взглянуть на своих деток, — сказала Помоечница. — Не то чтобы я об этом мечтала, но всё же и совесть надо иметь! Ладно, давай сюда рыбу. А молоко у тебя есть? В бутылке? Ты что, хочешь, чтобы я пила из бутылки?

— Не шуми, я взяла с собой миску.

Кошка накинулась на молоко, а Мурли тем временем огляделась по сторонам.

— Я бы не чувствовала себя здесь спокойно, — призналась она. — Стоянка — это всегда люди. Целый день полным-полно людей.

— Да тут тихий уголок, — чавкая, отозвалась Помоечница.

— Но твои дети были бы в большей безопасности на чердаке у господина Тиббе.

Помоечница поперхнулась от возмущения, а её дети завалились набок и жалобно запищали.

— Да заткнитесь вы наконец! — гневно прикрикнула на них мамаша. — Сосут день и ночь напролет. А чуть тронь — вопят, будто их режут.

Внезапно её глаза сверкнули в темноте недобрим желтым блеском.

— Если ты отнимешь у меня детей, — прошипела она, — я выцарапаю тебе глаза!

— Отниму? Естественно, я возьму тебя вместе с ними.

— Нет уж, спасибо! Мне и здесь хорошо.

— Позже, когда они подрастут, я постараюсь найти им хозяев.

— Без надобности. Они сами себя пристроят. Пусть остаются такими же бродячими кошками, как я. Всё лучше, чем с людьми. Я всегда говорю: есть две породы людей. Первая порода — негодяи. Она замолчала, впившись в огромный кусок вареной рыбы. Мурли терпеливо ждала.

— А вторая порода? — спросила она.

— Вторую породу я забыла, — сказала Помоечница и страшно закашлялась. — Кх-кх-кх-кх! — надрывалась она.

Мурли похлопала её по тощей спине. Помоечница выплюнула кость.

— Этого ещё не хватало! — сказала она. — Подавиться какой-то поганой костью! В следующий раз лучше смотри, какую рыбу приносишь. У меня тут и так хлопот полон рот с этим детским садом. Но знаешь, что мне особенно нравится? То, что я живу рядом с дорогим районом. Вон оттуда, — она махнула лапой, — начинаются большие виллы.

— Большие виллы стерегут злые собаки, — заметила Мурли.

— Оно, конечно, так. Но чаще всего они сидят на цепи. А рыбки в прудах там такие же толстые, как и сами хозяйки. В такую погоду все ворота и калитки почти всегда открыты. Туда только незаметно прошмыгнуть, и обязательно найдешь чем поживиться. Давай к нам. Почему ты не хочешь? Места на всех хватит. Мы могли бы вместе охотиться. И я уверена — чтоб мне попасть на живодерку! — если ты слопаешь толстого дрозда, то очень скоро опять превратишься в нормальную кошку. Фу ты, угораздило же меня...

— Что случилось?

— Какая же я дура! — воскликнула Помоечница. — Я же забыла рассказать тебе новость... Материнская любовь мне совершенно заморочила мозги.

— Одно другому не мешает, говори же.

— Это не для газеты. Новость касается тебя. Приходила твоя тетка. Тётушка Мортье, я имею в виду. Она хотела бы поговорить, но слишком стара, чтобы шастать по крышам в поисках тебя. Вот, передала всё через меня.

— Что же она сказала?

— Она просит тебя заглянуть к ней. Её навестила твоя сестра.

— Моя сестра? — испугалась Мурли. — Она же... она живёт очень далеко. На другом конце города. Что ей понадобилось?

— Откуда же я знаю, — зевнула Помоечница. — Мое дело помоечное. Здорово я пошутила? Если ты придешь завтра, позаботься, пожалуйста, чтобы в рыбе не было костей.

— А ты не будешь возражать, если я навещу тебя не одна, а вместе с моим хозяином? — спросила Мурли. — Или с Биби?

— Биби пусть приходит, — поколебавшись, согласилась Помоечница. — Она меня рисовала. Видела мой портрет?

— Очень похож, — кивнула Мурли.

— Что же до твоего Тиббе... я, честно говоря, так боюсь, что он начнет тут тетешкаться с котятками, — сказала Помоечница. — Он, этот тетешник, ещё хуже тебя. Детей моих заберет, потащит их по врачам, уколы делать и всякое такое... Пристраивать их будет...

— Я скажу ему, чтобы он не тетешкался, — пообещала Мурли. — До завтра.

...По пути домой Мурли заглянула в сад тётушки.

Спрятавшись в кустах, она мяукнула, и тут же её престарелая родственница выбралась из дома через кошачий лаз в двери.

— Ты не слишком-то преуспела, — проворчала она. — По-прежнему никакого хвоста, никаких усов и тот же дурацкий костюмчик в обтяжку.

— Я слышала... — начала Мурли.

— Правильно слышала, — перебила её тётушка. — Твоя сестра приходила.

Мурли задрожала, её голос чуть охрип.

— Моя сестра с Эммалаан?

— Откуда же ещё? Насколько я знаю, у тебя одна сестра.

— Она прогнала меня. — Мурли опустила голову. — Из дома и из сада. Она ужасно разозлилась на меня. Потому что я перестала быть кошкой. Она запретила мне возвращаться...

— Я её понимаю, — сощурилась тётушка Мортье. — Но она передавала тебе привет. Она больше не злится на тебя. Она сочувствует твоему несчастью, честное слово.

— И мне можно вернуться? — спросила Мурли. — Она согласна жить со мной?

— Естественно, не с такой, какая ты сейчас! — в сердцах воскликнула тётушка. — Сперва стань снова приличной кошкой, иначе дело не пойдет.

— Какой замечательный сад был там, на Эммалаан! — грустно сказала Мурли. — Это был мой собственный сад и мой собственный дом. И хозяйка была к нам так добра... А хозяйка захочет взять меня обратно?

— Возьмет, куда денется, если ты, конечно, вернешься к ней такой, какой была раньше, — заверила старая кошка. — И вот что я хочу тебе рассказать. Твоя сестра поняла причину твоего... твоего заболевания. С ней приключилась та же история.

— Как? — воскликнула Мурли. — Она тоже?!

— Тс-с-с, да не кричи ты так, — поморщилась тётушка Мортье. — Нет, она не «тоже»... Она чуть было не стала, как ты. У неё начали появляться человеческие признаки. Усы отпали, хвост почти исчез... Это случилось потому, что вы обе налопались чего-то на помойке института. Так сказала твоя сестра.

— Неужели? — удивилась Мурли. — Рядом с нашим домом было здание, возле него всегда стоял открытый мусорный ящик... Мы нашли там что-то съедобное.

— Вот-вот, — кивнула тётушка. — Но она съела меньше, чем ты. Поэтому у неё всё прошло.

— Само по себе?

— Нет, она сказала, что приняла необходимые меры, поэтому и выздоровела. Но если ты хочешь узнать, что именно она сделала, тебе придется сходить к ней.

— Ох, — вздохнула Мурли.

— И как можно быстрее, — сказала тётушка. — Твоя болезнь затянулась. Ты что, сомневаешься?

— Честно говоря, я не знаю, хочу ли я этого, — призналась Мурли.

— Ты совсем с ума сошла! — воскликнула тётушка Мортье. — Твой единственный, можно сказать, последний шанс стать порядочной кошкой! А она, видите ли, не знает, хочет она или не хочет!

— Я должна подумать, — сказала Мурли. Возмущенно фыркнув, тётушка Мортье гордо прошествовала к дому, а Мурли поспешила вернуться на свою крышу.

Она сидела там и смотрела, как по небу над Страховым банком ползет неторопливая луна. Из ночных садов поднимались дурманящие ароматы, то здесь, то там на крышах вспыхивали огоньки кошачьих глаз. Всё так запуталось в этом мире!

На следующее утро Тиббе вручил ей сверток.

— Это подарок, — пояснил он. — Я получил большой гонорар.

— Как красиво, большое спасибо, — обрадовалась Мурли. В свертке оказались перчатки.

— Это для приёма, — сказал Тиббе.

— Какого приёма?

— Сегодня вечером в отеле «Монополь» состоится приём. В честь юбилея господина Смита. Мы оба чересчур застенчивы, нам нужно учиться преодолевать робость. Я думаю, что селёдочник там тоже будет.

— О! — просияла Мурли.

— Я купил перчатки, — сказал Тиббе, — потому что подумал: если вы там кого-нибудь оцарапаете в перчатках, то будет не так больно. — Лучше я вернусь домой, — прошептала Мурли. — Мне страшно.

Они стояли на Грунмаркт перед отелем «Монополь». Здание отеля окружали бесчисленные машины, оживленная и нарядная толпа спешила на праздник в честь господина Смита.

На Мурли были новые перчатки, но как только она увидела такое обилие людей, её охватила робость.

— Все страхи долой! — отважно заявил Тиббе. — Смотрите, вон Биби выходит.

Сияя от радости, к ним вприпрыжку подбежала Биби.

— Что это у тебя? Фотоаппарат?

— Первая премия! — гордо сообщила Биби. — Я получила первую премию на конкурсе рисунка.

— Ты её точно заслужила!

— Рисунок висит на стене. И будет висеть там целый день. Я сама выбрала подарок.

— Ты пойдешь с нами туда? — спросила Мурли.

Биби покачала головой.

— Сегодня приём для взрослых, — сказала она. — У нас уже был праздник. В школе.

Она побежала дальше, а Тиббе подал Мурли руку:

— Идемте же, юфрау Мурли. И прошу вас не мурлыкать, не шипеть, не тереться головой ни об кого, включая селёдочника!

— А собаки там будут? — испуганно спросила Мурли.

— Нет, собак на приёмы не пускают.

Внутри было полным-полно народу. Господин и госпожа Смит сидели на эстраде в окружении корзин с цветами, позади них были развешаны рисунки. Получилась замечательная выставка, портрет Помоечницы красовался на самом почетном месте. «Первая премия», — гласила табличка.

— Ах, Тиббе! — воскликнул господин Смит. — Мой дорогой Тиббе, как приятно, что ты пришёл. Взгляни, какой подарок я получил от жителей города. Цветной телевизор! Правда, здорово?

Тиббе пожал ему руку и представил Мурли:

— Моя секретарша, юфрау Мурли.

— Очень приятно, — привстал господин Смит. — Кажется, мы уже виделись раньше? Вы забрались на дерево...

Сзади напирала новая поздравляющая, и Тиббе с Мурли прошли в зал. Гости стояли небольшими группами. Селёдочник уже был здесь. Он помахал Мурли, и она залилась краской. Булочница тоже приветливо кивнула Мурли, которой приём начинал всё больше нравиться.

«Всё идет как нельзя лучше, — с облегчением подумал Тиббе. — Сегодня в ней нет ничего кошачьего».

По залу в неизменной шубе фланировала мефрау Фан Дам. Она то и дело останавливалась пошептать с другими дамами. Они подталкивали друг друга локтями, поглядывая в сторону Тиббе и его секретарши.

Мурли снова забеспокоилась.

— Не обращайтесь на них внимания, — тихо сказал Тиббе.

Они подошли к красиво сервированному столу. Маленькие палочки были воткнуты в бутербродики с колбасой и сыром.

— Всё это можно брать просто так? — спросила Мурли.

— Чуть позже, — остановил её Тиббе.

В дверях появился солидный господин в очках и костюме в полоску.

В зале сразу стало тихо. Все приветствовали его с величайшим почтением.

— Это бургомистр? — прошептала Мурли.

— Нет, — тоже шепотом ответил Тиббе. — Это директор парфюмерной фабрики господин Эллемейт. Очень важная шишка. Он делает много добра.

— А что такого он делает? — спросила Мурли.

— Он дает деньги на Добрые Дела.

Мурли хотела спросить что-то ещё, но кругом на них зашикали:

— Тс-с-с!

— Сейчас будет говорить господин Эллемейт! — зашелестело по залу.

Все подались вперед, чтобы не пропустить ни единого слова, и из-за толчеи Мурли с Тиббе

потеряли друг друга.

Его оттеснили в конец зала, в то время как Мурли вытолкнули прямо к столику, стоя за которым господин Эллемейт готовился держать речь.

— Многоуважаемый юбиляр, — начал он. — Дамы и господа.

В зале стало совсем тихо.

— Я удовлетворен количеством собравшихся поздравить нашего дорогого господина Смита.

Говоря, он раскачивал на пальце цепочку с ключом от автомобиля.

Ключик качался над столиком из стороны в сторону.

Тиббе нашёл взглядом Мурли и к своему ужасу заметил, что её глаза двигаются туда-сюда, как на соревновании по настольному теннису. Она не слушала оратора, а лишь замороженно следила за раскачивающимся ключиком, как кошка за бумажным бантиком на ниточке.

«Сейчас она прыгнет», — подумал Тиббе и громко кашлянул, но Мурли не обратила на него ни малейшего внимания.

— Кого из нас не обучал господин Смит, — разглагольствовал оратор, — и мы все...

Звяк!

Обтянутая перчаткой рука метнулась в воздухе, и ключик громко звякнул о столик.

Господин Эллемейт в испуге осекся и обескураженно взглянул на Мурли. Все рассерженно повернулись к ней. Сейчас она была похожа на застигнутую на месте преступления кошку, которая мечется в поисках выхода. Тиббе попробовал протолкнуться к ней, но она вдруг нырнула вниз, к ногам гостей, и исчезла.

К счастью, господин Эллемейт продолжил свою речь, и публика быстро забыла о происшествии.

Тиббе украдкой оглядел зал, пробовал даже заглянуть под стол... Куда же она подевалась?

Речь была произнесена, господин Смит выступил с ответным словом. Замелькали официанты с подносами, гости оживленно разбирали бокалы и бутерброды. Тиббе потерянно бродил среди пьющих и жующих гостей. Где же она?

Быть может, незаметно выскользнула за дверь? Уж что-что, а бесшумно ступать, тихонько подкрадываться и мигом исчезать она умела. Скорее всего, она уже свернулась калачиком в своей коробке на чердаке.

Тиббе вздохнул. Всё так хорошо начиналось. Она не шипела и не царапалась... не терлась головой о рукав селёдочника, и опять всё пошло наперекосяк. Опять кошачье в ней пересилило.

Он решил остаться и подождать.

А Мурли не ушла домой. Никто не заметил, как она проскользнула в соседний зал — размером поменьше. Похоже, это был зал заседаний. Посреди стоял длинный стол со стульями, в углу — ящик с растениями, а рядом с ним — аквариум с золотыми рыбками.

В зале никого не было, и Мурли напрямик направилась к аквариуму, где медленно плавали две толстые золотые рыбки с выпученными глазами.

Мурли прильнула к стеклу, присела — Мне нельзя этого делать, — сказала она себе. — «Кошачьи штучки» — вот то, чем я сейчас занимаюсь. Через минуту я уже не смогу совладать с собой... Уходи отсюда, Мурли. Брысь!

Но рыбы, словно магнит, притягивали к себе её взгляд. Её рука в красивой длинной перчатке потянулась к аквариуму, застыла над водой...

Внезапно где-то совсем рядом зазвучали голоса, Мурли едва успела отдернуть руку. Она метнулась за ящик с растениями и затаилась там. Дверь распахнулась, и в зал вошли двое: один из них был господин Смит, другой — господин Эллемейт.

Скрытая от их глаз густыми зарослями вьюнов, Мурли присела на корточки и застыла так, боясь шелохнуться.

— Мне хотелось бы отвлечь вас на минуту, — сказал господин Смит. — Там много народу, а здесь мы можем спокойно

поговорить. Речь идет вот о чём: мы, жители города, хотим организовать одно общество. Общество Друзей Животных.

«Ну и ну, — подумала Мурли в своем укрытии. — Вот и новость для господина Тиббе. Послушаем, что же последует дальше».

— Вы знаете, что в Киллендорне очень много друзей животных, — продолжал господин Смит. — Почти в каждом доме имеется кошка. Цель нашего общества — оказание помощи животным. Мы хотим создать приют для бедных бездомных кошек, хотелось бы, конечно, и больницу для животных...

Не исключено, что мы будем показывать о них фильмы. Сам я сейчас готовлю лекцию. Она будет называться «Кошка в истории человечества». «Ещё одна новость», — подумала Мурли.

— И вот о чём я хочу попросить вас, — торжественно произнес господин Смит. — Не согласитесь ли вы стать Председателем нашего Общества Друзей Животных?

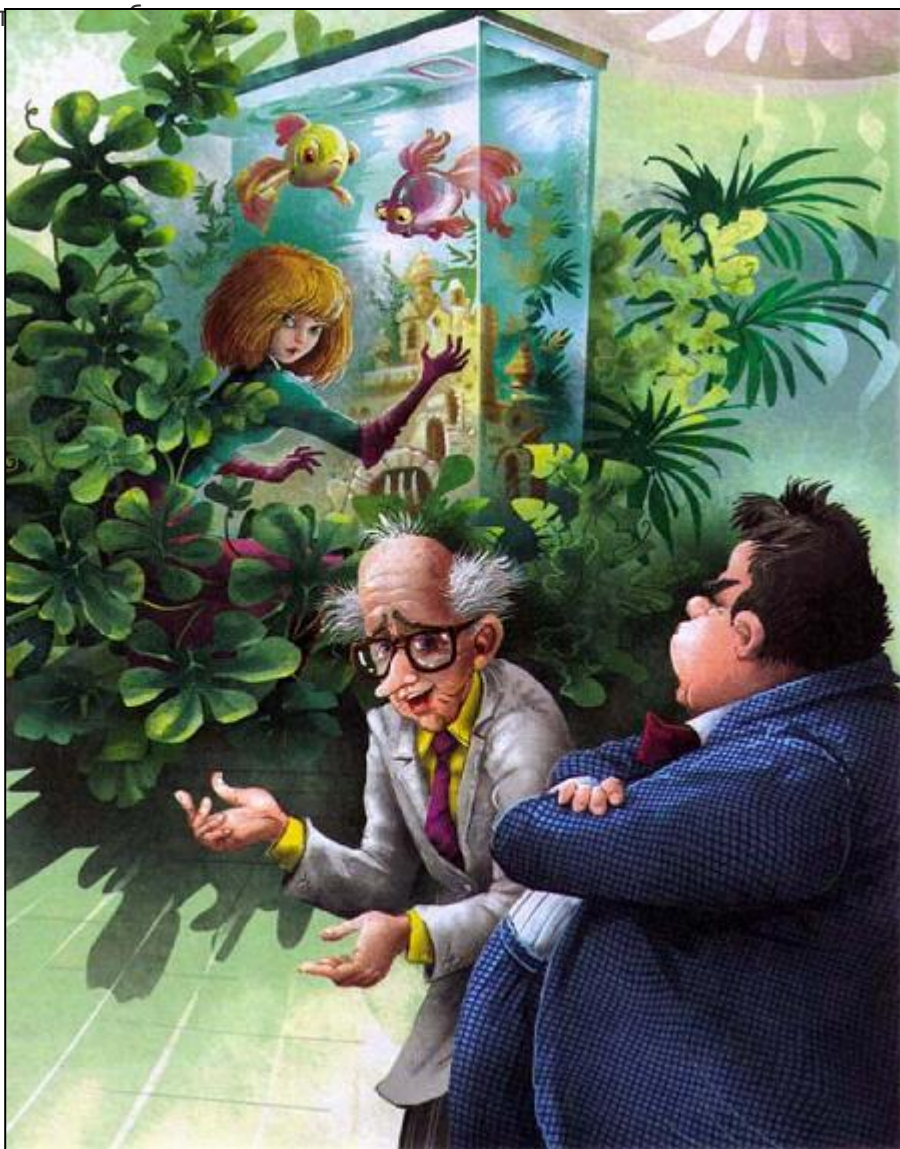
— Хм, — буркнул господин Эллемейт. — Почему вы просите об этом меня?

— Вы самый известный человек в городе, — сказал господин Смит. — И вас все любят. К тому же все хорошо знают, что вы друг животных. У вас ведь наверняка есть кошка?

— У меня собака, — возразил господин Эллемейт. — По имени Марс.

Мурли так сильно задрожала в своем углу, что вокруг неё затряслись растения. Марс! Тот самый пес, который дважды загонял её на дерево!

— Хм, — опять буркнул господин Эллемейт. — Безусловно, я с превеликой охотой... но вы же знаете, как я занят. Я и без того член столько же обществ и столько же комитетов...

— Это вас не обременит. От вас ничего не потребуется. Просто нам нужно ваше имя. Ведь все вам так доверяют.

Заложив руки за спину, господин Эллемейт прошёлся по залу. Он остановился в углу с растениями, рассеянно поглядел на золотых рыбок, затем скользнул взглядом по вьюнам.

«Он видит меня!» — Мурли сжалась от страха.

Но он лишь сорвал сухой листик с герани и сказал:

— Ладно, так и быть.

— Чудесно, чудесно! — воскликнул господин Смит. — Благодарю вас. Скоро мы дадим вам знать о себе. А теперь я должен вернуться на праздник.

Они вышли из зала, и Мурли перевела дух.

Она выбралась из укрытия и обнаружила на подоконнике огромного черного кота. Это был гостиничный кот Люкс.

— Между прочим, ты находишься в запретном зале, — заметил кот. — Мне лично сюда входить запрещено. Из-за этих дурацких золотых рыбок. Видала, какие толстые?

— Я чуть было одну не поймала, — вздохнула Мурли. — Мне пора возвращаться в зал ко всем этим людям... Знал бы ты, как я их боюсь!

— Твой хозяин ищет тебя. Вон там, на террасе. Если ты вылезешь в окно, тебе не понадобится проходить через толпу.

Одним прыжком Мурли перемахнула подоконник и, сделав ручкой коту, направилась к террасе, где одиноко слонялся Тиббе.

— Юфрау Мурли, — начал он строгим голосом.

— А у меня для вас новости, — нежно мурлыкнула она и пересказала ему всё, что ей удалось услышать.

Тиббе благодарно кивнул ей. Но когда они вернулись домой, он снова заладил свое:

— Мне кажется, с этим нужно что-то делать... с вашими кошачьими замашками... и кошачьим поведением.

— А что мне нужно делать?

— Я отвезу вас к доктору.

— Только не это! — воскликнула Мурли. — Доктора делают уколы.

— Я имею в виду не обычного доктора.

— А какого? Ветеринара?

— Нет, я отведу вас к беседующему доктору. Есть такие доктора, с которыми можно побеседовать о своих трудностях.

— У меня нет никаких трудностей. — Мурли пожала плечами.

— Зато у меня есть, — нахмурился Тиббе.

— Тогда идите сами к беседующему доктору.

— Мои трудности связаны с вами, юфрау Мурли. С вашими дикими манерами. Сегодня на приёме всё так хорошо началось. Вы вели себя просто замечательно до тех пор, пока вам не вздумалось ударить по ключику ла... я имею в виду — рукой. Секретарши так не поступают. На следующий день Мурли сидела в кабинете доктора Схюлда.

— Не разрешите ли поинтересоваться вашим именем? — спросил доктор.

— Юфрау Мурли.

— Это ваша фамилия? Или имя?

— Это моя кличка, — пояснила Мурли.

— А как ваша фамилия?

Она долго молчала, разглядывая ползающую по окну муху.

— Мне кажется, у меня её нет.

— Как звали вашего отца?

— Рыжий Плут.

— Так и запишем. — Доктор вывел на карточке «Юфрау М. Рыжеплут». — На что вы жалуетесь?

- Жалуюсь? — переспросила Мурли. — Я ни на что не жалуюсь.
- Вы же хотели со мной посоветоваться? Что послужило тому причиной?
- Мой хозяин считает, что во мне слишком много кошкиного.
- Какого?
- Ну, кошачьего. И его становится во мне с каждым днем всё больше и больше.
- Вероятно, он имеет в виду, что в вас есть что-то от кошки?
- Именно так, — подтвердила Мурли.
- Вот оно что. — Доктор нахмурился. — Давайте начнем сначала. Расскажите о ваших родителях. Чем занимался ваш отец?
- Бродяжничал, — ответила Мурли. — Я никогда его не видела. Мне нечего о нем сказать.
- А ваша мать?
- Моя мать была полосатой.
- Как-как?
- Доктор взглянул на неё поверх очков.
- Она была полосатой. Её нет в живых. Она погибла под колесами автомобиля.
- Какой ужас! — пробормотал доктор.
- Да, её ослепил свет фар, и она попала под грузовик с прицепом. Но это было уже давно.
- Так-так, пойдем дальше. Братья и сестры?
- Нас было пятеро.
- И вы старшая?
- Мы все ровесники.
- Значит, пятерняшки? Такое не часто случается.
- Да, — кивнула Мурли. — Мы родились один за другим. Троих раздали по знакомым, когда им исполнилось по два месяца. А меня с сестрой оставили. Мы показались хозяйке самыми симпатичными.
- Она мечтательно улыбнулась при этом воспоминании, и в наступившей тишине доктор явственно услышал её мурлыканье. Мурлыкала она вполне дружелюбно. Сам доктор очень любил кошек, у него была кошка Аннелизе, обитавшая обычно наверху в жилых комнатах.
- Хозяйка? — переспросил доктор. — Вы имеете в виду вашу мать?
- Нет, — ответила Мурли. — Я имею в виду хозяйку. Она говорила, что у меня самый красивый хвостик.
- Ага-ага, — закивал доктор. — А когда вы его потеряли?
- Что потеряла?
- Этот самый хвостик.
- Мурли задумчиво взглянула на него; в этот миг она так была похожа на кошку, что доктор вдруг подумал: «А может, хвостик до сих пор на месте? Наверное, она его спрятала под юбкой».
- Я что-то съела на помойке, — сказала Мурли. — Возле института. После этого всё и случилось. Но по сей день у меня сохранились разные кошачьи свойства. Я могу мурлыкать и шипеть. И залезаю на дерево, когда вижу собаку.
- И это вас беспокоит? У вас из-за этого проблемы?
- Не у меня. — Мурли покачала головой. — У моего хозяина: он находит это неприличным.
- А кто ваш хозяин?
- Господин Тиббе из газеты. Я его секретарша. Я хорошо справляюсь с работой, но вот никак не могу перестать чувствовать себя кошкой.
- И вас это беспокоит? — вновь спросил доктор.
- Это немного неудобно, — сказала Мурли со вздохом. — Как будто во мне постоянно ссорятся два существа. Полукошка и получеловек.
- Ах... — в свою очередь вздохнул доктор. — Быть целиком человеком тоже не больно-то удобно...
- Вот как?
- Истинная правда.

Об этом Мурли ещё не задумывалась. Эта мысль показалась ей забавной.

— И всё-таки я предпочитаю быть кем-то одним, — сказала она.

— Кем же вы предпочитаете быть?

— Если бы я знала... Я вся в сомнениях. Иногда я думаю, как же мне хочется снова стать кошкой... Пробираться с поднятым хвостом в зарослях золотых шаров, пыльца золотым дождем ложится на твою шерстку... Петь на крышах с другими кошками, охотиться на молодых скворцов, вылетающих из гнезда... Порой мне даже хочется сходить на тазик. Кошачий тазик. Но не могу отрицать... — Мурли запнулась, — быть женщиной тоже-довольно приятно.

— Тогда вам просто нужно подождать дальнейшего развития событий, — посоветовал доктор.

— Я думала... — замялась Мурли. — Может быть, вы дадите мне какую-нибудь микстуру? Или таблетки. Чтобы...

— Чтобы снова стать кошкой?

— Нет... я вся в сомнениях.

— Сперва вам нужно решить, кем вы хотите быть, — сказал доктор. — А уж потом снова приходите. У меня нет для вас ни микстур, ни таблеток, но я всегда готов помочь вам советом. Кто-то царапался в дверь. Это была Аннелизе — кошка доктора.

— Моя кошка рвется сюда, хотя прекрасно знает, что ей запрещено входить в кабинет, когда у меня пациент. — Доктор покачал головой.

Мурли прислушалась к мяуканью за дверью.

— Вам нужно подняться наверх, — сказала она. — Ваша жена жарит на гриле курицу.

«Откуда она знает, что у нас на обед жареная курица?» — удивился доктор.

— Она обожгла на гриле руку. Вам в самом деле следует подняться к ней. А я, доктор, пойду и приду к вам снова, когда разберусь сама с собой.

Доктор побежал наверх, в жилые комнаты. В кухне стояла его жена и с ненавистью смотрела на гриль. На пальце у неё вздулся огромный пузырь.

— Как ты узнал, что я обожглась?

— Мне рассказала об этом одна очень симпатичная кошка, — ответил доктор и поспешил за мазью.

* * *

По дороге домой Мурли услышала ужасную новость, касающуюся Помоечницы. Её сообщил Косой Симон.

— Какой кошмар! — воскликнула Мурли. — Сломала лапу, говоришь? Её сшибла машина? Где она сейчас? А дети остались одни?

— Тараторишь-тараторишь, ты меня просто завалила вопросами, — ворчал Косой Симон. — Может, и не так страшно, мне рассказал об этом кот Бензин, а он вечно всё преувеличивает. Между прочим, её ещё и побили.

— Побили?

— Да, заехали бутылкой. После всех этих несчастий она еле дотащилась до дому, я имею в виду фургон, где она сейчас обитает со своими детьми.

— Я сейчас же иду к ней, — решила Мурли. — Захватчу только еды и молока.

Она нашла Помоечницу в фургоне. Та лежала рядом со своими котятками в настроении ещё более мрачном, чем обычно.

— Что с тобой? — спросила Мурли, присев перед ней на корточки. — Тебе очень больно? Лапа сломана? Было много крови?

— Меня треснули со всей силы, — с горечью сказала Помоечница. — Полной бутылкой вина. Представляешь? До чего дожили! Может, конечно, это великая честь — не всякому повезет, чтобы его огрели бутылкой бургундского по хребту!

— Давай посмотрю, все ли у тебя кости целы, — предложила Мурли.

— Руки прочь! — завопила старая кошка.

— Я же хочу только посмотреть.

— Не надо ничего смотреть. Убери руки!

- Если у тебя сломана лапа, ведь требуется какая-то помощь.
- И так заживёт. Не впервой.
- Давай лучше я тебя куда-нибудь отнесу. К нам на чердак, например.
- Нечего меня носить. Дай мне околеть спокойно. Мне и здесь хорошо.
- Мурли вздохнула и дала Помоечнице молока и мяса.
- Вот это кстати, — сказала Помоечница. — Меня мучает жажда. Я всегда пила из крана на стоянке. Там натекает лужица. Но это довольно далеко, а я ковыляю с таким трудом...
- Напившись, она пробормотала:
- Сама, дура старая, во всём виновата.
- Расскажи, как всё произошло.
- Я шла вдоль этих шикарных садов и увидела прямо перед собой большую белую виллу, всю в розах. Обычно я в те сады не совалась, ведь их охраняют собаки. Но тамошний пес был заперт в гараже. Ох, и бесновался он, а мне от этого было ни жарко ни холодно: меня-то он достать всё равно не мог. Ворота сада стояли нараспашку, и я учуяла потрясающий запах. А есть хотелось до чертиков! Потому что с шестью писклями вечно живот сводит от голода, сама понимаешь. Ну вот, заглядываю я, значит, в дом. А в комнате никого. Посередине большой накрытый стол с букетом роз. На розы мне, честно говоря, наплевать, но я учуяла лосося. И что в таком случае делаешь? Конечно, стараешься не упустить свой шанс.
- И ты вошла в дом?
- Вошла как миленькая. Вспрыгнула на стол и сразу очутилась перед блюдом с лососем. Тут у меня просто глаза разбежались — сколько же там всего было! И крабы тебе, и куры, и холодный ростбиф. Взбитые сливки, креветки, соусы такие и сякие. Mr-p-raw! — Помоечница мечтательно закатила глаза. И прошлась язычком по всем своим детям.
- И что дальше?
- Что-что! У меня закружилась голова, вот что! Крыша поехала от всей этой еды. Не знала, за что приняться. Надо же! Нет бы сжевать сразу этого треклятого лосося — хоть было бы что вспомнить! Но от всех этих запахов я потеряла рассудок. А теперь вот вспоминай-мучайся! Не съесть ни кусочка! Голодранка безмозглая!
- Но что же было потом, говори скорей!
- А ты как думаешь? Явились — не запылились.
- Кто?
- Хозяин с хозяйкой. Я не слышала, как они вошли. Дура, конечно! Я словно мозгами повредилась. Спрыгнула со стола и помчалась к двери, а там уже поджидает меня хозяйка и лупит зонтом. Я — назад, а там — он. Схватил со стола бутылку. И... бр-р-мя!
- Помоечница жалобно мяукнула.
- Как же тебе удалось выбраться?
- Не помню. Но выбралась — сама видишь. Наверное, проскочила у неё между ног, она успела напоследок огреть меня зонтом, с тем я и была такова. Пулей выскочила в сад. Сперва я ничего не заметила, но когда захотела перепрыгнуть через изгородь... тут-то и поняла, что со мной не всё в порядке. Какое там прыгать, я даже ползком не могла взобраться на эту загородку!
- Как же тебе это всё-таки удалось? — спросила Мурли.
- Собака. Они выпустили из гаража собаку. Я слышала, как этот пес летел на меня, и заметалась вдоль изгороди, но нигде не было никакой лазейки, нигде! «Спета твоя песенка, Помоечница, — подумала я. — Лапа волочится, один на один с этим псом... всё, — сказала я себе, — окончен твой славный путь». Но всё же на прощанье я вlepила ему по носу лапой, и он отступил. А пока он соображал, как меня половчее сожрать, я вдруг вспомнила про своих писклей — и мигом взлетела на изгородь. Не спрашивай, как это у меня получилось, не знаю. Вот тебе факт — ещё помучаемся!
- А сейчас ты можешь ходить?
- Как старая кляча. Еле себя таскаю. А, заживёт всё. Где наша не пропадала! На то я и бродячая кошка. Я так рада, что расцарапала нос этому мерзавцу, долго будет помнить Помоечницу!

— Как его звали?

— Марс.

— Боже мой!

— А что, ты с ним тоже знакома?

— Знакома, — кивнула Мурли. — Выходит, бутылкой тебя ударил хозяин Марса?

— Он самый, я ж тебе сказала. Эллемейт его звать. Директор парфюмерной фабрики. Где мой сынок Парфюм проживает.

— Он же Председатель общества, — прошептала Мурли. — Общества Друзей Животных.

— Вот оно что! — воскликнула Помоечница. — Меня это ничуть не удивляет. Говорила я тебе: все люди — дрянь.

* * *

— Это отвратительно, — сказала Биби, выслушав рассказ Мурли. — Какой ужасный человек! Бедная Помоечница!

— Тебе нужно навестить её. Ты ведь знаешь, где она живёт.

— Я уже была там один раз. В брошенном фургоне. Как ты думаешь, можно мне сфотографировать её котят?

Биби теперь повсюду ходила с фотоаппаратом и щелкала направо и налево. Снимки иной раз получались кривоватые, но всегда отчетливые.

Биби и Мурли стали подругами. Сейчас они сидели на скамейке в скверике.

— А Тиббе написал об этом в газету? — спросила Биби. — Про господина Эллемейта и Помоечницу?

— Нет. — Мурли покачала головой. — Ему нельзя писать про кошек, так он сам говорит.

— Но это ведь не про кошек! Он должен написать про Председателя общества... как оно называется?

— Общество Друзей Животных.

— Ну вот, об этом-то он просто обязан написать! О том, что такой важный господин бьет бедную кормящую кошку.

— Мне тоже так кажется. — Мурли вздохнула. — Но он не хочет.

Она как-то странно посмотрела на нижнюю ветку вяза. Биби проследила за её взглядом. На ветке щebetала птичка. Биби обернулась к Мурли, и ей сделалось страшно... Вид у той был какой-то... как в тот раз с мышкой.

— Мурли! — закричала Биби. Мурли испуганно вздрогнула.

— Я же ничего не сделала, — быстро сказала она, но тон у неё был виноватый.

— Так нельзя, какая же ты! — Биби погрозила ей пальчиком. — Птички такие же симпатичные, как и кошки.

— Когда я жила на Эммалаан... — мечтательно протянула Мурли.

— Где ты жила?

— На Эммалаан. Когда я была кошкой. Там я ловила птичек... За домом, возле террасы, где растут золотые шары... Птички были такие...

— Прекрати немедленно! Я не слушаю! — воскликнула Биби.

Она вскочила и побежала прочь со своим фотоаппаратом. — Я не понимаю, — в который раз завела разговор Мурли. — Об этом обязательно нужно напечатать в газете. Ведь Помоечницу покалечил не кто-нибудь, а Председатель Общества Друзей Животных.

— Нет, — твердо сказал Тиббе. — Кошки — это не новости, так говорит мой шеф.

— А бедная кормящая мамаша, которую ударили бутылкой, — настаивала Мурли. — Может, она искалечена на всю жизнь.

— Я вполне понимаю, — с некоторым сомнением в голосе произнес Тиббе, — что можно взбелениться, когда на праздничном столе твоим лососем закусывает грязная бродячая кошка. И допускаю, что при этом можно схватить первый попавшийся предмет и запустить им в воровку.

— Ах вот как! — Сверкнув глазами, Мурли столь выразительно взглянула на Тиббе, что тот, опасаясь её коготков, отступил назад.

— В любом случае это не для газеты, — поспешил добавить он. — И закончим этот разговор. Когда Мурли сердилась, она отправлялась дуться в свою коробку. Вот и сейчас она было направилась туда, но в открытое чердачное окошко вскочил Флюф и издал протяжное мяуканье.

— Что он говорит? — спросил Тиббе.

— Селёдочник?! — воскликнула Мурли.

— Рвау-иму-мрау — торопливо излагал Флюф. Закончив свое взволнованное повествование на кошачьем языке, он снова исчез в чердачном окошке.

— Что случилось с селёдочником? — спросил Тиббе.

— Он в больнице!

— Вот оно что! А я-то думал, что Флюф рассказывает вам какую-то веселую историю.

— Селёдочника сбила машина, — сообщила Мурли. — Вместе с его палаткой. Все окрестные кошки сбежались туда, потому что там кругом разбросана селёдка.

— Об этом можно написать заметку, — зашептал Тиббе. Он схватил свой блокнот.

— Я тоже пойду, — сказала Мурли. — Только по крышам, так у меня получается быстрее. Она побежала к чердачному окошку, но Тиббе успел задержать её.

— Нет, юфрау Мурли! Мне бы не хотелось, чтобы моя секретарша, словно последняя бродячая кошка, набрасывалась на селёдку, которая валяется на земле. Мурли смерила его презрительным и гордым взглядом.

— К тому же, — продолжал Тиббе, — там уже полно народу, а вы этого не любите.

— Хорошо, я останусь дома, — согласилась Мурли. — Всё равно последние новости я узнаю на крыше.

На Грунмаркт в самом деле собралась большая толпа. Целое столпотворение. На место происшествия уже прибыла полиция. Под ногами хрустели осколки стекла, палатка была целиком разрушена, повсюду валялись лотки и подносы, флажки были втоптаны в землю, и последняя кошка удирала с кошачьего пира с последним рыбьим хвостом в зубах. Господин Смит тоже наблюдал за происходящим.

— Селёдочника увезли в больницу, — сообщил он Тиббе.

— У него сломано ребро.

— Как это произошло? — спросил Тиббе.

— Машина! Самое скверное, что никто не видел, какая машина наехала на палатку.

Она тут же умчалась прочь. Ни стыда, ни совести!

— Неужели никого не оказалось поблизости? Ведь это случилось среди бела дня!

— Представьте себе, — скорбно покачал головой господин Смит. — Это произошло в обеденное время, все обедали. Кто-то услышал ужасный треск, но, когда сюда прибежали, машина уже скрылась за углом.

— А сам селёдочник?

— Он тоже ничего не видел. Он стоял и чистил селёдку, как вдруг в его палатку врезалась машина и он упал, придавленный обломками. Полиция уже допросила всех в этом районе, никто на машину не обратил внимания. Наверное, это был какой-то приезжий, не из нашего города.

Тиббе оглянулся по сторонам. На углу Грун-маркт сидела кошка, торопливо доедавшая селёдку «Наверняка кошки видели, кто это сделал, — подумал он. — Скорей всего, Мурли уже в курсе».

Так оно и было.

— Мы давно знаем, кто это сделал, — сказала Мурли, едва Тиббе успел переступить порог дома. — На всех крышах только об этом и говорят.

Это была машина господина Эллемейта. Он сам сидел за рулем, и это он наехал на селёдочника. Тиббе недоверчиво взглянул на неё.

— Разве столь уважаемый человек стал бы скрываться после того, что случилось? Он обязательно заявил бы о происшествии в полицию.

— Кошки видели это собственными глазами, — упрямо повторила Мурли. — Ведь возле палатки селёдочника всегда обретаются кошки. Там были и Косой Симон, и Промокашка, и Просвирка. Какое счастье, что вы теперь об этом знаете, господин Тиббе! Пусть в газете напечатают всю правду.

Тиббе сел и молча принялся грызть ногти.

— Разве не так? — спросила Мурли. — Об этом можно напечатать в газете?

Тиббе покачал головой.

— Конечно, я напишу заметку о происшествии. Но я не могу утверждать, что наезд совершил господин Эллемейт. Нет никаких доказательств.

— Никаких доказательств? Но три кошки...

— Вот в том-то и дело, что кошки. Какой мне с того прок? На месте происшествия не было ни одного свидетеля.

— Там было целых три свидетеля.

— Кошки — не свидетели.

— Разве?

— Нет. Не могу же я написать: «От некоторых кошек нам стало доподлинно известно, что на селёдочника совершил наезд наш многоуважаемый господин Эллемейт». Я никак не могу этого сделать. Поймите же наконец!

Мурли не понимала. Не произнеся ни слова, она ушла в свою коробку.

...Ночью на крыше Косой Симон сказал Мурли:

— Возле ратуши тебя кое-кто поджидает.

— Кто?

— Парфюм. У него для тебя новости.

По крышам Мурли добралась до городской ратуши. Пробило три часа ночи, на площади стояла тишина. В лунном свете перед ратушей, каждый на своем постаменте, застыли каменные львы, опиравшиеся передними лапами на каменные щиты.

Мурли остановилась в ожидании. Со стороны левого льва на неё пахнуло смесью причудливых ароматов. Запах кошки мешался с запахом духов. Из-за каменного льва вышел Парфюм.

— Носик-носик, — пропел он. Они потёрлись носами.

— Надеюсь, ты простишь за то, что я благоухаю яблоневым цветом, — мурлыкнул кот. — Это наш новый аромат. Я хочу тебе кое-что рассказать, но ты не должна ссылаться на меня. Не нужно, чтобы мое имя упоминалось в прессе. Обещай мне.

— Обещаю, — кивнула Мурли.

— Поверим на слово... Помнишь, я рассказывал тебе про Виллема? Он работал у нас в столовой, и

его уволили.

— Помню, — сказала Мурли, — ну и что?

— А то, что его снова взяли на работу.

— Я рада за него. Это и есть твоя новость? Для газеты это не годится.

— Не спеши, — важно топорща усы, остановил её Парфюм. — Я ещё не всё сказал. Слушай. Сижу я, значит, на подоконнике со стороны улицы — есть у меня такое заветное местечко, где меня никому не видно, там виноград по стене вьется. А мне, наоборот, видно и слышно всё, что происходит в конторе у директора. Директором у нас Эллемейт, знаешь это?

— Ещё бы я этого не знала! — воскликнула Мурли. — Он покалечил твою мать.

— Вот-вот, — фыркнул кот. — Неудивительно, что я его терпеть не могу. Не сказал бы, что я очень привязан к моей матери, — на мой взгляд, она слишком вульгарно пахнет. Я привык к более изысканным ароматам. Но то, что он сделал, переходит всякие границы... Сижу я, значит, на подоконнике и вдруг вижу, что перед Эллемейтом стоит Биллем. Дай-ка, думаю, подслушаю.

— Говори же быстрее, — поторопила его Мурли.

— Эллемейт говорит: «Договорились, Биллем, можешь выходить на работу. Прямо сейчас и приступай». А Биллем шаркает в ответ ножкой: «Спасибо, менеер, как я счастлив, менеер, рад стараться, менеер».

— На этом всё и кончилось? — спросила Мурли.

— Сперва я тоже так подумал и даже, сдаётся мне, слегка вздремнул... солнышко грело и всякое такое... сама знаешь, когда сидишь на подоконнике...

— Знаю, знаю. — Мурли потеряла терпение. — Продолжай же.

— Задремал я было, но тут сквозь сон слышу, как Эллемейт и говорит ему у двери: «А если тебя спросят, видел ли ты что сегодня на Грунмаркт, отвечай, что ничего не видел, ничего не знаешь. Понял? Абсолютно ничего». — «Понял, менеер!» — ответил ему Биллем и вышел из конторы. Вот, собственно, об этом я и намеревался тебе поведать.

— Ага! — обрадовалась Мурли. — Биллем видел, как произошло несчастье.

— Я тоже так думаю, — важно кивнул Парфюм.

* * *

— Теперь наконец мы нашли человека, который это видел, — сказала Мурли. — Настоящего свидетеля. А не кошачьего.

— Я сейчас же пойду к Виллему, — решил Тиббе. — А вдруг он признается, что был там. Когда я неожиданно спрошу его про водителя машины.

Пока Тиббе ходил к Виллему, Мурли на крыше вела тайные переговоры с котом из отеля «Монополь» Люксом.

— Послушай, — сказала она ему, — по слухам, Эллемейт часто обедает у вас в отеле. Правда?

— Так оно и есть, — подтвердил Люкс. — Раз в неделю он с женой заказывает у нас обед. По пятницам. Как раз сегодня.

— Не мог бы ты посидеть у них под столом и послушать, о чём они говорят? — попросила его Мурли.

— Премного благодарен! — Люкс чихнул от возмущения. — Как-то раз он уже дал мне пинка под столом.

— Ну, пожалуйста, — взмолилась Мурли. — Нам позарез нужно узнать, что он сам говорит. Но никто из нас не рискует близко подойти к его дому. Потому что там живёт этот мерзкий Марс. Может, у тебя получится незаметно нырнуть под стол?

— Посмотрим, — неуверенно пообещал Люкс.

* * *

Тиббе вернулся домой поздно, совершенно измученный и расстроенный.

— Я был у Виллема, — сообщил он. — Биллем клянется, что ничего не видел и не слышал.

Уверяет, что его не было на Грунмаркт, когда это произошло. Мне кажется, он лжет, но вполне естественно, что он боится признаться. А ещё я был у селёдочника в больнице.

— Ну как он там? — с волнением спросила Мурли. — Он так же хорошо пахнет?

— Он пахнет больницей.

— Какая жалость!

— Я спросил, могла ли на его палатку наехать машина господина Эллемейта? Селёдочник рассердился, закричал: «Что за дурацкая идея! Эллемейт — мой лучший клиент, как вам такое пришло в голову!» А потом я был в полиции, — продолжил Тиббе. — Там я тоже спросил, могла ли это быть машина Эллемейта?

— И что они ответили?

— Они рассмеялись мне в лицо. Решили, что я спятил. — Неужели твой хозяин до сих пор ничего не написал про Эллемейта? — удивилась Помоечница.

— Пока не написал, — вздохнула Мурли. — Он говорит, что у него нет доказательств.

— Да он просто трус! Кишка тонка! Какие же странные звери эти люди. Такие же бесхарактерные, как собаки! — воскликнула Помоечница. Её возмущение было столь велико, что она на миг даже отвлеклась от своего потомства.

Тем временем один самый шустрый котенок доковылял до двери фургона. Увидев это, старая кошка довольно хмыкнула:

— Ишь ты, смотри! И этому подавай свободу! А ну-ка, иди сюда, голь перекатная.

Она взяла котенка за шкурку и притащила назад на одеяло.

— Замучили меня, паршивцы этикие, — нежно мурлыкнула она.

У котят уже открылись глазки. Они стали чрезвычайно резвыми и ловили друг друга за хвостики. А также играли длинным драным хвостом их мамы.

— Как твоя лапа? — спросила Мурли.

— Немного лучше. Но всё ещё хромаю. Похоже, такой хромоногой и останусь на всю жизнь. Каждый день хожу пить воду из лужицы возле крана и трачу на это времени — прорву.

— А ты не боишься надолго оста
 — Сюда же никто не ходит, —
 зевнула Помоечница. — Кроме
 тебя и Биби. Она тоже каждый
 день приносит мне еду. А
 сегодня фотографировала моих
 оборотов. Представляешь?
 Щелкнула всех моих уродиков!
 Вот так-то!.. Ах да, чуть не
 забыла. Их папаша, кот Бензин,
 просил тебя обязательно
 заглянуть к нему на
 бензоколонку. Он хочет тебе
 что-то рассказать. Понятия не
 имею о чём, вроде бы это
 касается селедочника.
 Распрощавшись со старой
 кошкой, Мурли отправилась
 напрямик на бензоколонку. Кот
 Бензин приветливо
 поздоровался с ней.

— Говори же, — поторопила его
 Мурли.

— Здесь был этот Эллемейт. У
 его автомобиля сильно
 повреждено крыло. И фара
 разбита.

— Ах! — воскликнула Мурли.

— У него две машины, — со
 знанием дела продолжал

Бензин. — Это был голубой «шевроле». Ты наверняка слышала, что у нас тут и ремонтная мастерская. Приехал он и говорит моему хозяину, механику: «Я наехал на свой собственный забор. Можете починить машину прямо сегодня?» А мой хозяин отвечает: «Не так-то просто это сделать».

— И что же? — Мурли сгорала от любопытства.

— Тут Эллемейт дал ему деньги. Я не разглядел сколько. Наверное, очень много, потому что мой хозяин прямо просиял от радости. А Эллемейт ему говорит: «И ещё у меня к вам маленькая просьба: если кто вас станет расспрашивать, ну, о том, была ли разбита моя машина... вы ничего не знаете».

— Ага! — торжествующе воскликнула Мурли. — Большое тебе спасибо, и счастливо оставаться.

Уходя, она оглянулась и крикнула Бензину:

— У тебя симпатичные дети!

— У кого? — Кот изобразил удивление.

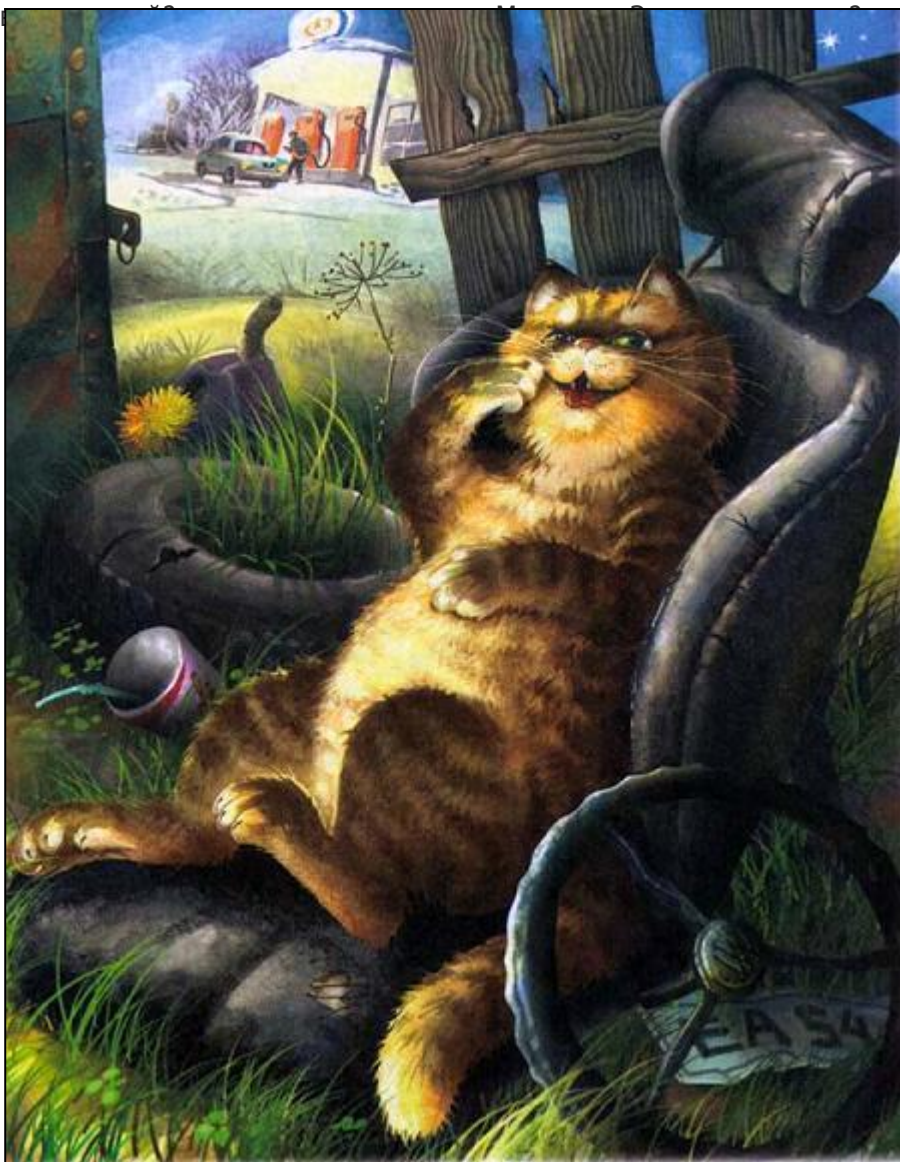
— У тебя!

— Ах, у меня? Кто тебе сказал?

— Помоечница.

— Вечно она болтает, — пробурчал нерадивый папаша.

Люкс был гладкий, черный как смоль кот с белой манишкой. От сытой жизни при отеле он стал толстым и круглым, словно шар. В часы, когда в ресторане собирались посетители, Люкс медленно курсировал между столами и умоляюще заглядывал всем в глаза, будто хотел сказать: «Люди

добрые, неужели вы не видите, что я голодаю?» И добрые люди подкармливали голодающего объедками, отчего тот становился всё толще и толще. При ходьбе он переваливался с боку на бок. В пятницу, в половине седьмого вечера, зал был, по обыкновению, полон. От столика к столику сновали официанты, отовсюду доносилось звяканье ножей и тарелок, гости беседовали за едой, из кухни тянуло запахами горячего ростбифа и жареной картошки.

В углу у окна, чуть поодаль от других столиков, сидели господин Эллемейт и его супруга.

Кот Люкс, опасливо косясь на супругов, раз-другой промаршировал мимо них. Он обещал Мурли послушать, о чём они говорят, но, вспоминая пинок под столом, пока не решался приблизиться. Наконец он собрался с духом и уселся в метре от их столика. Они явно ссорились, кот Люкс определил это по их жестам и лицам, однако, к его большому огорчению, ссорились они шепотом.

«Главное, не залезать под стол. Иначе я точно нарвусь на неприятность, — сообразил Люкс. — Если я сяду позади стула, то ничего страшного произойти вроде не должно...»

Он осторожно подкрался поближе и наострил уши.

— ...какая глупость с твоей стороны, — разобрал он шепот меффрау Эллемейт, — тебе сразу надо было во всём признаться.

— Снова ты завела свою пластинку. — Господин Эллемейт нахмурился. — Прекрати ныть.

— И тем не менее я уверена в том, что ты должен был признаться, — продолжала она тихо. — И сейчас ещё не поздно это сделать.

Он мрачно покачал головой и отправил в рот кусок мяса.

Кот Люкс передвинулся на шагок ближе.

— Брысь, попрошайка! — прошипел господин Эллемейт.

Люкс остался сидеть на месте, глядя на него преданными голодными глазами.

— Перестань нести вздор, — снова переключился господин Эллемейт на свою супругу. — Уже слишком поздно. Конечно, ты права, я должен был признаться сразу, но я этого не сделал. А сейчас... поезд ушёл.

— А если всё станет известно...

— Это исключено. Там не было ни души, кроме придурковатого парнишки, уволенного из фабричной столовой, но я его опять взял на работу.

— А в мастерской, где чинили твою машину?

— Механик умеет держать язык за зубами. Он мой хороший друг. На все времена.

— И всё же я думаю, что тебе следует признаться, — упрямо повторила меффрау Эллемейт.

— Да замолчишь ты наконец! По-твоему, я совсем рехнулся? Я с таким трудом всех здесь приручил. Налево-направо раздавал деньги, то на одно благое дело, то на другое. Ради того, чтобы всем угодить. Я всюду вхож, я принят во все общества, я — везде председатель, я заседаю во всех комитетах... я разбиваюсь в — лепешку, чтобы завоевать доверие людей. И пока мне это удавалось! Кот Люкс придвинулся чуть ближе.

— Брысь, ты!.. — прошипел господин Эллемейт. — Спасу нет от этих кошек.

Кот осторожно попятился, сделал круг почёта по залу и вернулся на прежнее место. Он услышал слова Эллемейта:

— Ты только представь, что это попадет в газету! И на моем добром имени можно будет поставить крест! И меня не выберут в Комиссию Муниципального Совета. И нечего тогда даже мечтать о расширении фабрики. Все будут против меня. И давай закончим пустые разговоры. Что тебе на десерт?

— Мороженое, — тихо сказала меффрау Эллемейт.

— Попадись мне эта дрянная кошка темной ночью, я бы свернул ей шею! — рыкнул Председатель Общества Друзей Животных, испепеляя взглядом толстого черного обжору.

Кот Люкс решил, что довольно натерпелся оскорблений. Он выскользнул из ресторана и, тяжело пыхтя, полез на крышу отчитываться перед Мурли.

— Опять это слышала кошка, — сокрушался Тиббе. — Опять ни одного настоящего свидетеля. Что я могу написать, не имея ни единого доказательства? А те двое, которые могли бы мне помочь, не

хотят говорить. Биллем и механик из мастерской. Оба они утверждают, что ничего не видели.

— Но вы верите кошкам? — спросила Мурли.

— Да, — кивнул Тиббе. — Я вам верю.

— Надеюсь, мне удастся когда-нибудь расцарапать физиономию этому Эллемейту! — прищурилась Мурли.

— Я тоже на это надеюсь, — вздохнул Тиббе. Он совсем пал духом. Теперь он был уверен, что кошки говорят правду, но не отваживался написать заметку, не имея на руках ни единого доказательства. Он был не только подавлен, но и рассержен. Не просто рассержен, а черт возьми, возмущен! И возмущение делало его не таким робким. Он уже не боялся, как прежде, подходить к незнакомым людям и задавать им вопросы.

Но когда, как будто между прочим, он говорил: «Я слышал, что несчастье с селёдочником произошло по вине господина Эллемейта», все дружно негодовали: «У кого только язык повернулся сказать такое! И кто только посмел оклеветать нашего почетного гражданина! Господин Эллемейт никогда не поступил бы так! Во-первых, он ездит очень осторожно, а во-вторых, он обязательно признался бы — случись с ним такое. Не мог он наехать на селёдочника!»

— Что ты, Тиббе! — сказал господин Смит. — Зачем ты повторяешь всякую чушь? То, что ты говоришь, это гадкие сплетни, мой мальчик. Как-то раз меффрау Фан Дам, та, которая проживала этажом ниже Тиббе, сказала своему мужу:

— Помнишь, у меня был такой зеленый заварной чайничек. Куда он подевался?

— Понятия не имею, — пожал плечами господин Фан Дам, а минутой позже добавил: — По-моему, мы пользовались им в фургоне. В нашем старом фургоне.

— Да-да, ты прав... Что ж, выходит, и чайничек погиб вместе с фургоном на свалке. Ведь наш старый фургон отправлен на свалку?

— Не скажи. — Господин Фан Дам почесал в затылке. — Похоже, он всё ещё стоит на автостоянке, в самом дальнем углу.

— Неужели он так и простоял там все эти годы?

— Выходит, что так.

— Обязательно схожу туда, — решила меффрау Фан Дам. — А вдруг чайничек отыщется. К тому же там наверняка обнаружатся и другие вещицы, которые пригодятся в хозяйстве.

На следующий день меффрау Фан Дам явилась на стоянку в тот самый момент, когда Помоечница отправилась к луже пить. Она медленно тащилась к крану, подволакивая больную ногу. Её котята остались одни, но до сих пор с ними ничего страшного не происходило. Каждый раз по возвращении Помоечница находила свое гнездо в целостности и сохранности, поскольку обычно сюда никто не забредал.

И вот меффрау Фан Дам толкнула дверцу и зашла в фургон.

Она сразу же заметила котят, копошащихся на старом одеяле.

— Это ещё что за фокусы! — скривилась она. — В моем фургоне! Целый выводок котят! Грязных бездомных котят! Подумать только, на моем одеяле!

Это было очень старое одеяло. Рваное и в пятнах. Однако меффрау Фан Дам негодовала. Она схватила старую цветастую наволочку и одного за другим засунула в неё котят. Затем она отыскала зеленый чайничек, старое полотенце и пыльную циновку, окинула удовлетворенным взглядом фургон и сказала:

— Вот так!

С сумкой в одной руке и цветастым мешком из наволочки в другой она покинула автостоянку.

Помоечница видела, как меффрау Фан Дам выходила из фургона, но была ещё слишком далеко. К тому же она не могла бежать. Кое-как доковыляв до своего жилища, она вскарабкалась по лесенке и устала на пустое одеяло. Полный отчаяния кошачий вопль огласил округу, но его никто не услышал, потому что на бензозаправке всюду надрывалось радио. А меффрау Фан Дам не обратила на крик Помоечницы никакого внимания, хотя прекрасно его слышала. Она стояла возле бензозаправки и в задумчивости смотрела на тяжелый мешок с котятами в своей руке.

«И что мне теперь с ними делать? — соображала она. — Не понесу же я их домой. Куда мне деть этих грязных котят?»

Рядом остановилась заправиться машина. Большая голубая машина. Она принадлежала господину Эллемейту.

Мефрау Фан Дам направилась напрямик к нему. Она наклонилась и, источая любезность, проворковала в открытое окошко:

— Добрый день, господин Эллемейт!

— Здравствуйте, мефрау Фан Дам.

— У меня тут целый выводок котят. Я обнаружила их в своем старом фургоне. Вот они — в наволочке... Можно, я отдам их вам?

— Мне? — удивился господин Эллемейт. — Да на что они мне сдались?

— Как же? — подняла брови мефрау Фан Дам. — Я читала, что вы являетесь Председателем Общества Друзей Животных. Не так ли?

— Да, это так, — с кислой миной подтвердил господин Эллемейт.

— Вот видите! А это общество призвано служить... как это... в общем, заботиться о том, чтобы у всех животных был дом. Я об этом читала в газете.

— Совершенно верно, но сейчас у меня нет ни секунды времени.

— А если вы не сможете найти им дом, то придется отвезти котят туда, где их безболезненно умертвят, — втолковывала господину Эллемейту мефрау Фан Дам. — Не возьмете ли на себя такую заботу? Вот, я кладу их вам на заднее сиденье.

Она просунула цветастый мешок в окошко, мило улыбнулась на прощание и была такова.

Господин Эллемейт остался с шестью беспризорными котятами.

— Эта вздорная тетка думает, что у меня кошачий приют, — злобно пробурчал он. — Что теперь с ними делать?

Машина рванулась с места.

Первые мгновения Помоечница, жалобно мяукая, металась по фургону. Когда она выбралась оттуда, мефрау Фан Дам была уже далеко. Навстречу Помоечнице бежал кот Бензин.

— Твоих котят увезли, — сообщил он. — В мешке. В машине Эллемейта. И он с ними.

Помоечница присела и заплакала.

Она поняла, что её котята потеряны для неё навсегда, искать их не имеет смысла, быть может, они уже погибли. Ей, хромоногой, не догнать машину.

Она была совершенно беспомощна.

— Я передам сообщение, — утешал её Бензин. — По кошачьему телеграфу. Не уверен, правда, что будут результаты.

Помоечница ничего не ответила. Она тихо плакала.

— Ладно, мужайся, — сказал Бензин. — Тебе не повезло. — Он побежал прочь.

— Между прочим, это и твои дети тоже! — крикнула ему вслед Помоечница.

— Это ещё нужно доказать, — огрызнулся Бензин.

По кошачьему телеграфу новости всегда передавались быстро. Но это сообщение распространилось со скоростью поистине невероятной. Уже через десять минут Флюф поставил в известность Мурли.

— Куда же поехала машина Эллемейта? — взволнованно спросила она.

— Его машина стоит возле почты.

— А котята ещё там?

— Нет, — грустно вздохнул Флюф. — На заднем сиденье их нет. Симон заглядывал в окошко. В машине нет никакого мешка.

— Где же они? — воскликнула Мурли. — Что он с ними сделал?

— Никто не знает, — сказал Флюф. — Кот Бензин видел, как Эллемейт отъехал от бензозаправки. Просвирка видела, как он проезжал мимо церкви. Несколько кошек видели, как он остановился возле почты. Но никто не заметил, куда он подевал котят.

— Может, он их уже утопил, — совсем разволновалась Мурли. — Боже мой, какое горе для бедной Помоечницы! Она всегда ругала своих котят и вместе с тем так гордилась ими! Пусть всё кошки города ищут, спрашивают, слушают... нет, я тоже пойду искать!

Она вышла на улицу и побежала к почтовой конторе. Ни одна из кошек, встретившихся ей на пути, не могла рассказать больше, чем она уже знала. Никто не видел мешка из наволочки. Когда машина остановилась, на заднем сиденье было пусто.

Мурли представления не имела, где искать, и просто брела по переулку, пока вдруг её не нагнала Булочка, кошка булочницы.

— Нашлись, нашлись! — возбужденно кричала она. — Промокашка услышала, как они пищат.

— Где?

— В мусорном мешке возле почты. Идем быстрее, мы можем не успеть!

Мурли побежала и вскоре оказалась на месте.

Все шестеро котят были живы. Прямо в наволочке их затолкнули в один из больших серых мешков у края тротуара. Котята жалобно пищали и дрожали, пока Мурли вытаскивала их оттуда одного за другим.

Чуть поодаль трудилась муниципальная мусорная машина, собиравшая стоящие вдоль улицы мешки...

Приди Мурли несколькими минутами позже, мешок с детишками Помоечницы оказался бы в мусоровозе. Котята непременно бы задохнулись.

Мурли осторожно положила котят в наволочку, собираясь унести их домой, и погладила Промокашку.

— Какая ты умница! — похвалила её Мурли. —

Большое спасибо. Мы успели!

— А у меня для тебя есть новость, — мурлыкнула Промокашка.

— Говори.

— Карфаген разрушен, — доложила любительница истории.

Мурли не понесла котят назад в фургон. Она притащила их на чердак к Тиббе и уложила в свою собственную коробку.

— Что за дела? — возмутился Флюф. — Ты что, намереваешься держать всю эту ораву в моем доме?

— Намереваюсь, — сказала Мурли. — А ещё здесь поселится Помоечница. Я собираюсь за ней.

— Я вряд ли буду от этого в восторге, — проворчал Флюф, но Мурли уже скрылась за чердачным окошком.

Помоечница до сих пор ничего не знала. Она всё ходила кругами вокруг фургона, то и дело забираясь внутрь, будто надеялась, что котята появятся на прежнем месте. И время от времени жалобно стонала. Какой бы грязной и ободранной ни была Помоечница, она никогда не позволяла себе быть жалкой. Она всегда держалась гордо и независимо. Но теперь от её гордости не осталось и следа. Теперь она стала обыкновенной несчастной бездомной кошкой, способной разжалобить даже каменное сердце.

Но лишь до того мига, когда на лесенке фургона показалась Мурли.

— Они нашлись! — сообщила она. — Все шестеро. Они у нас. На чердаке.

Помоечница ничем не выдала своей радости. Она лишь села, изо всех сил стараясь изобразить равнодушие.

— Неси их быстрее сюда, — потребовала она.

— Нет. — Мурли покачала головой. — Здесь опасно, ты сама в этом убедилась. Я пришла забрать тебя.

— Кого? Меня?

— Тебя.

— Я никому не позволю себя забрать, — с холодным презрением отрезала Помоечница. — Никому!

— Это же на время, — сказала Мурли. — Недели через две мы подыщем твоим детишкам хозяев. А пока они не выросли, ты отправишься со мной.

— Не нуждаюсь, — фыркнула Помоечница.

— Зато твои котята нуждаются в тебе. Они хотят есть.

— Принеси их сюда, я их накормлю.

Беседа зашла в тупик. Нельзя же было тащить Помоечницу на чердак против её воли. Всем видом бродячая кошка показывала, что свобода дороже, и её она будет защищать до последней капли крови. Но Мурли тоже было не занимать упорства.

— Если захочешь забрать своих детей, можешь прийти за ними, — сказала она. — Ты знаешь, где я живу.

Помоечница ничего не ответила. Единственное слово, которое она процедила сквозь зубы, было самое страшное ругательство, которое она знала:

— Человек!

В кладовке на чердаке Мурли устроила для котят уютное гнездышко. Тиббе дома не было: он бродил по городу в поисках доказательств.

— Не уверен, что всё это мне нравится, — жалобно бормотал Флюф. — Такое впечатление, что не нравится. Шесть чужих вопящих кошек на моем чердаке... Подумай, что ты делаешь!

— Но это же временно, — сказала Мурли.

— Не хватает только мамы! — переживал Флюф. — Мои нервы этого не выдержат.

Мурли промолчала. Она стояла возле окошка и смотрела на крышу.

Через час пришла Помоечница. Со сломанной лапой ей было трудно карабкаться по крышам. Из последних сил она доползла по водосточному желобу до верха и позволила Мурли втащить себя на кухню. Она ничего не сказала. Мурли ни о чём её не спросила.

Она отнесла Помоечницу в гнездышко к котят, те возбужденно запищали и с яростью принялись её сосать.

— Так я и думал! — выкрикнул Флюф. — Мамаша тоже заявила. Теперь я точно знаю, что я этого не выдержу.

Его хвост распушился, уши прижались, и из груди исторгся боевой клич.

— Не скандаль, — попросила Мурли. — И уходи из кладовки.

Пока Помоечница сидела с котятами, обстановка была более-менее сносной. Стоило ей покинуть свой угол и выйти на кухню в поисках кошачьего тазика... ох, что тут началось!

В тот момент, когда Тиббе вернулся домой, бой был в самом разгаре. Вопящий дурными голосами клубок катался по полу, в воздухе летали клочья шерсти.

— Это что такое? — закричал Тиббе. — Ещё одна кошка в доме?

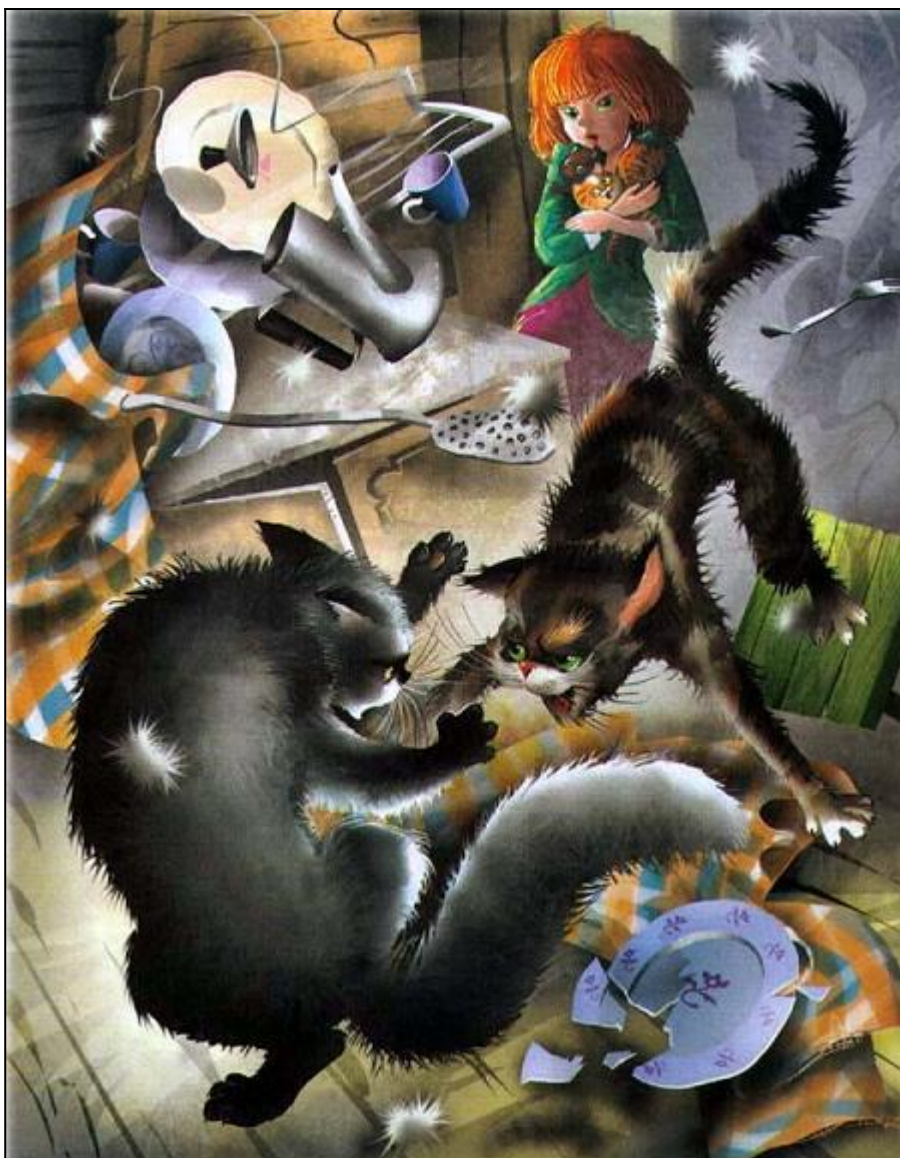
— Ещё семь, — уточнила Мурли, разнимая дерущихся.

Она рассказала Тиббе, что случилось.

— Ты говоришь, что господин Эллемейт засунул в мешок с мусором живых котят? — не поверил Тиббе.

— Именно так, — подтвердила Мурли. И тут уж Тиббе рассердился не на шутку. — Восемь кошек в доме, — бормотал Тиббе, — даже девять... если считать Мурли. Ну и компания!

Да, компания подобралась веселая. Котята уже всю бегали, шастали где не положено, карабкались по стульям, влезали на диван, качались на занавесках, прыгали по бумагам Тиббе и играли его ручкой. Но Тиббе не сердился на них. Он был даже немного польщен тем, что

Помоечница согласилась пожить у него. Он знал, что старая бездомная кошка считала ниже своего достоинства делить кров с людьми... а тут как-то раз она даже прыгнула к нему на колени и позволила почесать себя за ушком.

— Оставайся у нас, — предложил Тиббе.

— Вот ещё! — фыркнула Помоечница и спрыгнула с его колен. — Как только эти маленькие балбесы подрастут, я сразу же уйду бродяжничать.

Тиббе не понял, что она сказала, но был рад, что его кошки не дрались. Правда, время от времени Помоечница и Флюф злобно шипели и часами испепеляли друг друга ненавидящими взглядами. Впрочем, когти в ход не пускали.

И вот однажды Тиббе произнес заветную фразу:

— А теперь тихо. Я сажусь писать.

С угрюмым выражением лица он уселся за пишущую машинку.

— Вы собираетесь писать заметку? — осторожно поинтересовалась Мурли.

— Да, — кивнул Тиббе.

— Ах! — заволновалась Мурли. — Вы собираетесь писать ту самую заметку? Про Эллемейта?

— Да, — сказал Тиббе. — И мне уже всё равно, есть ли у меня доказательства или их нет. Меня не волнует, были ли на месте происшествия свидетели или таковых не было.

И он застучал на пишущей машинке. То и дело он снимал с машинки одного из котят и опускал его на пол. Неугомонные проказники опять штурмовали его стол, но Тиббе продолжал печатать дальше.

Помоечница и Флюф забыли свою вражду. Они преданно и почтительно глядели на Тиббе, а новость уже пошла — от кошки к кошке — гулять по крышам. «Тиббе пишет! Наконец-то он пишет об этом! Слыхали? Теперь об этом напечатают в газете. Тиббе пишет!»

Написав заметку, Тиббе понес её в редакцию.

В здании газеты ему повстречался кот Ластик. Впервые в жизни кот посмотрел на него с уважением.

Возвращаясь через Грунмаркт домой, Тиббе вдруг заметил, что улицы кишмя кишат кошками. Кошки дружелюбно вились вокруг его ног, радостно мяукая:

— Молодец! Наконец-то!

Тиббе не знал их языка. Но прекрасно на сей раз понимал, что они ему говорили.

Господин Эллемейт сидел в кабинете главного редактора «Киллендорнской газеты».

Он швырнул ему на стол смятую сегодняшнюю газету и ткнул пальцем в статью.

— Что это значит? — спросил он, побелев от злости, голос его срывался.

Главный редактор нервно грыз ногти.

— К сожалению, я ничего не знал, — пробормотал он. — Я сам прочел это только что... Заметка была напечатана без моего ведома...

— Меня это мало волнует! — Эллемейт грохнул кулаком по столу. — Сплошные отговорки! Напечатано же в вашей газете!

Навострив уши, испуганный кот Ластик притаился на подоконнике.

— Поверьте, мне ужасно жаль, — сокрушенно вздохнул главный редактор. — Молодой человек, написавший эту заметку, всегда пользовался в редакции большим доверием. У него надежнейшие источники информации, он никогда не полагался на слухи и сплетни, писал только правду и...

— Значит, вы утверждаете, что это правда? — взорвался господин Эллемейт.

— О нет, нет, что вы!

«Наш главный редактор тоже трус», — подумал Ластик.

— Я хотел лишь сказать, что мне не требовалось читать заранее то, что он написал... всё всегда подтверждалось... Поэтому и эта заметка появилась в газете без моего ведома...

— Я требую! — грозно рыкнул господин Эллемейт, опять стукнув по столу кулаком. — Я требую, чтобы сегодня же этот ваш молодой человек написал другую заметку, где бы восстановил истину.

— Наилучшее решение вопроса! — Главный редактор вздохнул с облегчением. — Он, безусловно,

это сделает.

Редакционный кот Ластик не стал слушать дальше. Он спрыгнул с подоконника и поспешил на крышу к Мурли.

Мурли молча выслушала сообщение Ластика, поблагодарила его и нырнула в чердачное окошко предупредить Тиббе.

— Так, — сказал Тиббе. — Я знал, на что шёл. Зазвонил телефон. Это был главный редактор.

— Меня вызывают в редакцию, — обреченно вздохнул Тиббе. — Шеф хочет поговорить со мной.

Девять пар кошачьих глаз смотрели ему вслед, пока он спускался по лестнице.

* * *

— То, о чём я тебя прошу, вполне разумно, — говорил главный редактор. — Ты совершил непростительный промах: написал заметку, оскорбительную для самого известного и уважаемого в городе лица. Оскорбительную и более того — лживую. Как тебе это только пришло в голову? Это ж надо придумать: господин Эллемейт совершил наезд на селёдочника!

— Это правда, — сказал Тиббе.

— Где твои доказательства? Где твои свидетели? Кто это видел?

— Кое-кто видел.

— Тогда назови их имена! Почему они молчат?

— Потому что эти люди боятся господина Эллемейта. Они у него в руках, поэтому и не говорят ни слова.

— Так, — нахмурился главный редактор. — Всё это кажется мне абсолютно неправдоподобным. Но у тебя есть шанс исправить положение. Тебе следует написать заметку, оправдывающую господина Эллемейта. Естественно, ты должен признать, что произошло недоразумение. И что ты очень сожалеешь. А ещё господин Эллемейт просит написать несколько хвалебных слов по поводу парфюмерной фабрики. О том, какое счастье работать на этой фабрике. О том, сколько там создано изумительных ароматов. Как было бы ужасно, если бы вдруг не стало дезодорантов. Люди пахли бы потом... ну, сам знаешь... И сколь необходимо расширение фабрики. Ты должен написать об этом немедленно, прямо сегодня, Тиббе. Договорились?

— Нет, — покачал головой Тиббе.

В кабинете повисла гнетущая тишина. Редакционный кот Ластик снова сидел на своем посту, на подоконнике, и ободрительно подмигивал Тиббе.

— Нет? Что ты имеешь в виду? Ты отказываешься писать?

— Именно так. — Тиббе согласно кивнул.

— Дело принимает серьёзный оборот, — проговорил главный редактор. — В последнее время у тебя всё так хорошо получалось. А теперь из-за твоего дурацкого упрямства ты лишишься работы.

Тиббе посмотрел в глаза Ластик.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Но я не могу сделать то, о чём вы просите.

— Досадно, — вздохнул главный редактор. — В таком случае нам не о чём больше говорить. Ты свободен, Тиббе.

Тиббе закрыл за собой дверь.

* * *

На улице он встретил господина Смита.

— Что же ты творишь, Тиббе? — воскликнул тот. — Я только что вынул из ящика газету, и, Боже мой, что же я там прочитал! Сплетни! Грязную клевету! Господин Эллемейт, Председатель нашего Общества Друзей Животных... это он-то засовывает котят в мешок с мусором? Это он наезжает на селёдочника? Утаивает правду...

и как ни в чём не бывало разъезжает по городу? Тиббе, какая муха тебя укусила? Уму непостижимо! А я-то ещё собирался пригласить тебя ко мне на лекцию. Ведь на следующей неделе я буду читать лекцию «Кошка в истории человечества». И мне бы хотелось, чтобы ты написал об этом заметку. Но теперь я не уверен, что ты для этого подходишь.

— Да я и не смогу, — вздохнул Тиббе. — Я больше не работаю в газете.

И он понуро побрёл домой.

— В конце концов меня всё-таки уволили, юфрау Мурли, — сообщил он. — Благодаря кошкам я сохранил работу и благодаря тем же кошкам её лишился. Но я ни о чём не жалею.

Он опустился на диван, и кошки с озабоченным видом расселись вокруг него. Даже несмышленные котята, казалось, прониклись серьёзностью момента: они тихо играли шнурками его ботинок.

— Мы ещё не распространили эту новость, — сказала Мурли. — Сегодня ночью должно кое-что произойти. Как только стемнеет, на нашей крыше соберутся все окрестные кошки. Объявлен полный сбор — Большой Мяу.

В этот вечер Тиббе остался один с котятами — они были ещё слишком малы, чтобы участвовать в Большом Мяу. Вскоре до него донесся ужасающий вопль.

Если бы он не знал, что на крыше собрались кошки, ему бы и в голову не пришло, что у этих милых созданий может обнаружиться столь премерзкий голос. На крышу спешили всё новые кошки — их набралось там уже не менее сотни.

И все они истошно вопили. Они пели Большую Мяу-Мяу Песнь. Часов в одиннадцать в дверь Тиббе позвонили.

Это была мефрау Фан Дам. Отдуваясь в своей шубе, она поднялась к нему на чердак и проскрипела злым голосом:

— Господин Тиббе, я только что обсудила всё со своим мужем. С этим пора кончать.

— Что вы имеете в виду? — спросил Тиббе.

— Этот дом перестал быть приличным, с тех пор как в нем поселились вы! Он превратился в рассадник всяких кошек! Вы только послушайте!

На крыше кошки снова затянули Большую Мяу-Мяу Песнь.

— Это невыносимо! — схватилась за голову мефрау Фан Дам. — А тут ещё... что я вижу? Ещё шестеро котят? Уж не те ли это паршивцы, которых я выкинула из своего фургона? Шесть котят, плюс две взрослые кошки, плюс ещё эта ваша странная дамочка, которая больше смахивает на кошку, чем на человека, — итого девять! Плюс сотня кошек на крыше. Это уже получается сто девять!

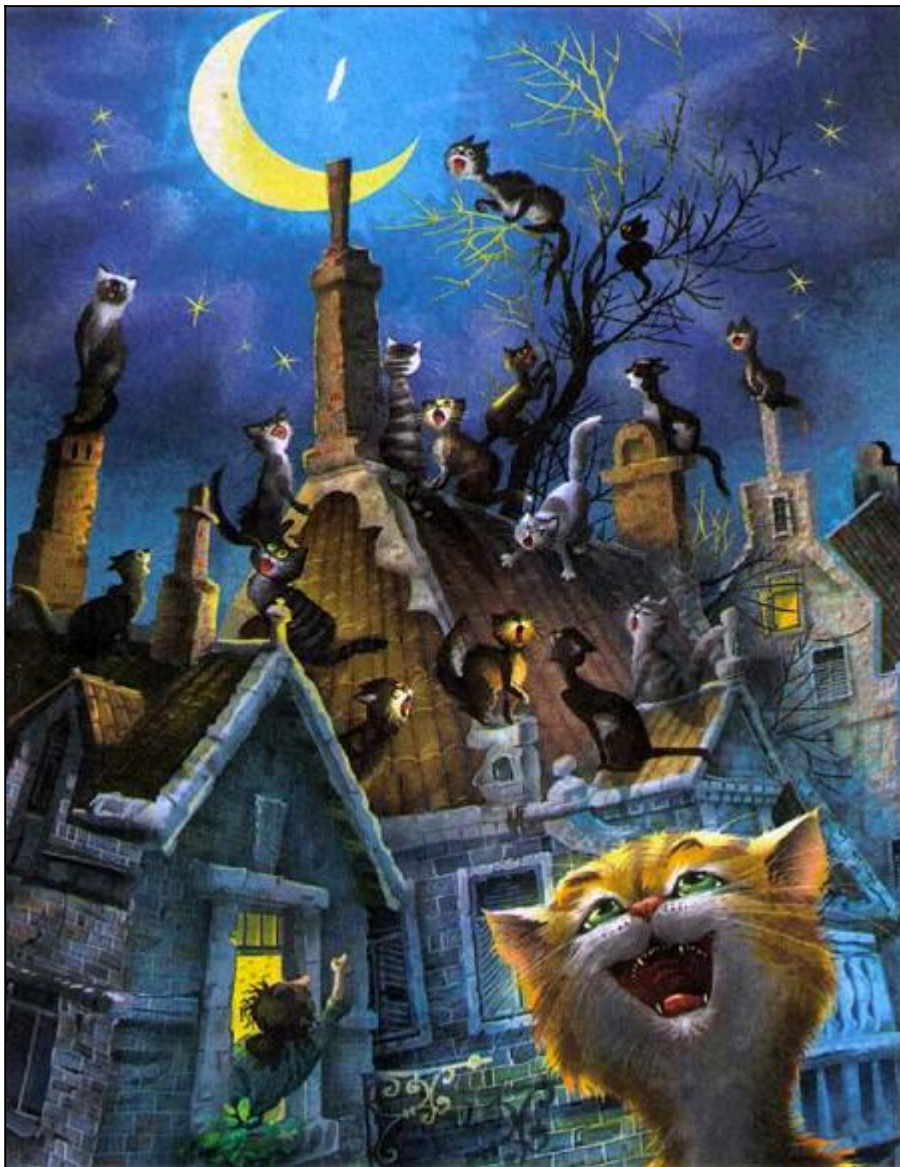
— Плюс двадцать мертвых кошек, — добавил Тиббе. — Получается сто двадцать девять.

— Каких ещё мертвых кошек?

— Я говорю о вашей шубе. Она сшита из двадцати мертвых кошек.

Мефрау Фан Дам прямо вскипела от ярости.

— Это уже верх наглости! Моя норковая шуба! Не хотите ли вы сказать, что это кошачий мех? Не

хотите ли вы обвинить меня в том, в чём обвинили в газете достопочтенного господина Эллемейта? Читали мы ваши гадости! Ни стыда у вас, ни совести!

И поэтому мы с мужем решили, что вам не место в нашем доме. Прочь с моего чердака! Убирайтесь со всей вашей кошачьей сворой. Разрешаю вам остаться лишь до конца месяца. А потом я сдам чердак кому-нибудь другому! Спокойной ночи.

«Зря я сказал ей про шубу, — подумал Тиббе, когда она удалилась. — Впрочем, какая разница. Она бы всё равно меня выставила. Просто это было не очень вежливо с моей стороны. А теперь пора спать».

И Тиббе пошёл спать. Он так устал, что даже Большая Мяу-Мяу Песнь не помешала ему заснуть, и даже не чувствовал, как по нему ползали шестеро котят. Он не услышал, как вернулся Флюф. Не слышал, как Помоечница громким криком созвала всех своих детей. И не заметил, как Мурли улеглась в коробку.

Когда он проснулся, было восемь часов утра. «Вчера произошло что-то ужасно неприятное, — вспомнил он. — Ах да, меня уволили с работы. И попросили убраться с чердака. Что мне теперь делать? Куда я пойду с девятью кошками? И на что я буду покупать рыбу всей этой кошачьей ораве?» Он хотел посоветоваться с Мурли, но той уже и след простыл.

Она сидела в скверике с Биби.

— У киллендорнских кошек есть план, — сказала Мурли. — И мы хотели бы попросить тебя о помощи, Биби.

— Конечно, — согласилась Биби. — Что я должна делать?

— Сейчас я тебе всё расскажу, — зашептала ей на ухо Мурли. — Слушай внимательно. Господин Эллемейт шёл по улице. Свою большую голубую машину — без единой вмятинки! — он оставил на стоянке и теперь спешил в магазин купить себе ботинки.

Пожалуй, впервые ему бросилось в глаза, какая уйма кошек проживает в городе Киллендорне. Шагу нельзя было ступить, чтобы одна из них не путалась у него под ногами. Прямо проходу не дают, нахалки. Дважды ему пришлось даже перепрыгнуть через кошку, которая и не подумала уступить ему дорогу.

«Необходимо произвести санитарную очистку города от кошек, — подумал господин Эллемейт. — Ликвидировать всех, что попадутся. В следующий раз обязательно возьму с собой Марса».

Вскоре он заметил, что кошки следуют за ним по пятам. Сначала за ним увязалась одна, но, обернувшись чуть позже, он насчитал их уже восемь.

Когда он дошёл до магазина, за ним тянулся хвост из десяти кошек. Все они прошмыгнули в магазин.

— Брысь! — в ярости прошипел господин Эллемейт и выставил негодяек на улицу, но со следующим покупателем кошки вновь просочились внутрь.

И когда он примерял ботинки, беспомощно сидя в одних носках, они хороводом закружились вокруг него.

— Это ваши кошки, менеер? — поинтересовался продавец.

— Честное слово, не мои! — воскликнул господин Эллемейт. — Вот увязались за мной, мерзавки! Чтоб им пусто было!

— В таком случае вы не возражаете, если я их выгоню?

— Что вы, что вы, конечно!

Кошек выдворили из магазина, но не успели два новых покупателя открыть дверь, как они вновь ворвались в зал и завертелись под ногами у господина Эллемейта.

С какой бы радостью он вышвырнул их отсюда. Пинками! С каким бы удовольствием он запустил в них тяжелым сапогом! Да только в магазине было довольно много народу, и все его знали. Все знали, что он Председатель Общества Друзей Животных. Поэтому ему никак нельзя было пинаться.

«По крайней мере, пока меня кто-то видит, — злобно думал он. — Погодите же: вот улучу момент и покажу вам где раки зимуют». И счастливый миг не заставил себя ждать. Из магазина вся кошачья компания вывалилась за ним следом. Сопровождаемый любопытными взглядами прохожих,

господин Эллемейт держал себя в руках, но рядом со школой, где улица опустела, он торопливо посмотрел по сторонам и влепил здорового пинка кошке пекаря Булочке.

Кошки брызнули врассыпную.

— Вот так-то! — Господин Эллемейт удовлетворенно потер руки.

Однако, подойдя к машине, он обнаружил восемь кошек на заднем сиденье. Его охватило настоящее бешенство, и он чуть было не кинулся, как тигр, вышвыривать их из своего «шевроле», но тут тихий голос за его спиной произнес:

— Боже мой... как трогательно!

Он обернулся и увидел господина Смита, умильно созерцавшего эту картину.

— Сколько кошек у вас в машине! Вы — настоящий Друг Животных!

— Да уж, — пробормотал господин Эллемейт с вымученной улыбкой.

— Так вы будете завтра на моей лекции? — спросил господин Смит. — Тема должна представлять для вас особый интерес: «Кошка в истории человечества». С показом слайдов. Придете?

— Конечно, — сказал господин Эллемейт.

С невероятной вежливостью кошки были выставлены из машины. Господин Эллемейт поехал на фабрику. У него были важные переговоры с Муниципальным Советником о расширении фабрики. Но из-за этих проклятых кошек он опоздал на встречу. Когда он вошёл в кабинет, Муниципальный Советник уже сидел там. Господин Эллемейт извинился, предложил гостю сигарету и произнес речь о необходимости расширения фабрики.

— Не все горожане приветствуют эту идею, — возразил Муниципальный Советник. — Они боятся, что в городе будет слишком сильно пахнуть химией.

— О, но это будут приятные запахи! — воскликнул господин Эллемейт. — К примеру, наш последний аромат — «Яблоневый цвет» — я обязательно дам вам понюхать.

Повернувшись за флакончиком, он увидел, как через окно на улицу выскользнули три здоровенных кота.

Он еле сдержался, чтобы не выругаться.

— Понюхайте, как приятно пахнет, — сказал он.

Муниципальный Советник понюхал.

— «Яблоневый цвет», — повторил господин Эллемейт и понюхал флакончик сам. Но это был не «Яблоневый цвет». В нос ему ударила нестерпимая вонь.

«Кошачья моча», — хотел сказать Муниципальный Советник. Но он был вежливым человеком и поэтому вежливо пробормотал:

— Вы правы, замечательный аромат.

* * *

После обеда господин Эллемейт взял с собой в машину собаку — на случай, если снова привяжутся кошки.

Так оно и было. Они уже поджидали его на стоянке. Одни смело бросились прямо к машине, другие топтались чуть поодаль.

Господин Эллемейт приоткрыл дверцу и скомандовал:

— Вперед, Марс! Смотри, кошки! Кошки! Фас! К его удивлению, Марс, жалобно потявкивая, остался сидеть в машине. Он явно не собирался покидать укрытия.

— Это ещё что такое? Уж не кошек ли ты испугался?

Марс не сдвинулся с места. Он злобно залаял, но выйти не отважился.

Он увидел Помоечницу. Она держалась ближе всех к машине, и, несмотря на то, что хромота не позволила бы ей удрать с поля боя, глаза её горели отчаянной храбростью. Её перепачканная мордочка внушала псу настоящий ужас: казалось, в неё вселился дьявол...

Марс вспомнил о царапинах, которыми она его некогда наградила в его же собственном саду. А сейчас к тому же Помоечница была не одна — вон у неё какое подкрепление! Кошек было слишком много, Марс понимал, что ему не справиться с ними со всеми. И, жалобно повизгивая, он остался сидеть на месте.

— Фу, какая трусливая собака! — с презрением сказал господин Эллемейт.

Выйдя из машины, он огляделся вокруг. Сплошные кошки. И никого из прохожих. Никто не увидит. Он схватил собачью плетку и хлестнул ею наотмашь. Оглушенная ударом, с воплем скрылась в церкви кошка Просвирка, все остальные кинулись кто куда, словно рой потревоженных пчел.

И, словно пчелиный рой, вернулись обратно. Под предводительством Помоечницы.

Когда господин Эллемейт покинул поле боя, они шлейфом потянулись за его машиной.

А вечером они заявили к нему в сад.

До сего дня Марс гонял всех кошек без разбору. Раньше они и шагу не смели ступить на его территорию — разве только когда он был заперт в гараже. (Подобному случаю Помоечница и была обязана сломанной лапой.)

И вот, полюбуйтесь, кошки в саду!

— Кошки, Марс! — закричал господин Эллемейт. — Хватай их! Держи!

Марс нервно забегал по комнате, но так и не отважился переступить через порог.

— Не понимаю, какая блажь нашла на этого пса! — пожаловался господин Эллемейт жене. — Представляешь, он боится кошек, виданное ли дело? Огромный пес боится кошек!

— Они испортят весь наш цветник! — воскликнула мефрау Эллемейт. — Прогони их немедленно!

Вот, возьми бутылку. В прошлый раз ты так и прогнал ту гадкую бродячую кошку!

Господин Эллемейт выскочил с бутылкой в сад.

Кошки с энтузиазмом подкапывали дорогие красивые розы, которыми он так гордился.

Кошки злорадно смотрели на него.

— Ах вы поганки! Теперь-то меня никто не видит! Я в своем собственном саду. Сейчас я вам покажу!

Размахивая бутылкой, он принялся гоняться за кошками, не замечая при этом, что топчет дорогие его сердцу розы, больно вонзавшие в него свои шипы. Нахально мяукая, кошачья гвардия скрылась среди кустов и деревьев.

— И только посмейте вернуться! — в бешенстве пригрозил господин Эллемейт кустам.

Не успел он зайти в дом, как жена сказала:

— Они опять сидят там. — Где?

— В розах. Все наши цветы погибли.

— Ах так! — трясась от ярости, выкрикнул господин Эллемейт. — По-моему, дело зашло слишком далеко. По счастью, рядом никто не живёт, поэтому мне не придется ни перед кем отчитываться. Дай мне охотничье ружье!

И вот доблестный охотник стоит на террасе с ружьем в руках.

Уже наступил вечер, но весеннее солнце пробивалось сквозь ветви деревьев и освещало цветник, где десять кошек с упоением подрывали розовые кусты.

— Сейчас вы у меня попляшете, мерзавки! — тихо сказал господин Эллемейт.

Он прицелился.

Сиамский кот Симон был к нему ближе всех. Он искоса взглянул на Эллемейта и не отступил ни на шаг.

Семь кошек в страхе бросились врассыпную, три кошки остались на месте. Кошка Муниципального Советника, Помоечница и Косой Симон.

За секунду до того, как прогремел выстрел, они рванули прочь... в самый последний момент. Одна лишь Помоечница ещё ковыляла по газону, но, прежде чем господин Эллемейт успел вновь прицелиться, и она исчезла в тени деревьев.

Господин Эллемейт повернулся, чтобы уйти в дом, как вдруг заметил на лужайке девочку. Совсем маленькую девочку — в его собственном саду. Девочка смеялась. Да, она смеялась над ним.

— Что ты здесь делаешь? — заорал господин Эллемейт.

На девочку напал такой хохот, что она не могла ответить ни слова.

От гнева у господина Эллемейта потемнело в глазах. Он схватил хохотунью за руку, со всей силы встряхнул её и от души шлепнул.

— Вон из моего сада, хулиганка!

Похоже было, что Биби заплакала. Но, очутившись за калиткой, она вновь расхохоталась.

Некоторое время она поджидала кого-то в аллее, неподалеку от виллы Эллемейта. Вскоре через отверстие в изгороди проскользнула Мурли. За ней Помоечница, а там и все кошки, одна за другой. Больше на эллемейтовские розы никто не посягал. — Сегодня лекция, — напомнила Мурли. — Лекция господина Смита. В отеле «Монополь».

— Знаю, — кивнул Тиббе. — Но мне там нечего делать.

— Там будут показывать фотографии, — продолжала Мурли. — Самых необычных кошек. Цветные.

— Ну и ладно. Только я всё равно не пойду. Писать мне больше ничего не нужно. В газете я не работаю. К тому же у меня кошек и дома хватает. Так что благодарю покорно.

— Я думаю, туда все придут, — сказала Мурли.

— Конечно. Именно поэтому я туда идти не хочу. Наверняка там будет господин Эллемейт: он же Председатель Общества. А я был бы счастлив его больше никогда не видеть.

— Тогда я сама пойду, — решила Мурли.

От удивления он раскрыл рот. Та ли это Мурли, которая ещё недавно была столь робка, что обходила стороной многолюдные сборища?

— И будет очень приятно, если вы всё-таки составите мне компанию.

Он уловил в её голосе нечто, позволившее ему предположить, что вечер будет не лишен сюрпризов. Теряясь в догадках, он ещё немного посомневался, а потом согласился.

Здание отеля пестрело афишами:

Общество Друзей Животных.

Сегодня в программе:

«Кошка в истории человечества»

Лекция г-на Смита с показом диапозитивов.

Тиббе с Мурли пришли последними. В зале яблоку негде было упасть, потому что все в городе любили господина Смита и он был известен как замечательный рассказчик. Уж не говоря о том, что все киллендорнцы обожали кошек.

В первом ряду восседал господин Эллемейт, который вскоре должен был произнести вступительное слово.

Лекция ещё не началась, собравшиеся оживленно болтали, и, когда Тиббе с Мурли пошли по рядам в поисках свободных мест, публика принялась перешептываться, указывая на них.

— Это тот самый молодой человек из газеты! — зашелестели у них за спиной пожилые дамы. — Со своей секретаршей.

— Его вроде бы уволили.

— Ах вот как?

— Да-да. Ведь это он написал ту скандальную заметку про господина Эллемейта.

— Что вы говорите?

— Вот именно. Внизу стояла его подпись. Он написал, что наш уважаемый Эллемейт наехал на селёдочника.

— Да, и бросил живых котят в мусор. Как не стыдно писать подобные вещи. Не имея на руках ни единого доказательства.

Тиббе всё слышал. С каждой минутой он чувствовал себя всё отвратительней и горько сожалел, что согласился сюда прийти. Рядом с ним сидела Мурли с кошачье-таинственным видом. И абсолютно спокойная. Казалось, что всё происходящее её ни капельки не волнует.

Немного впереди, рядом со своей мамой, сидела Биби.

Господин Эллемейт повернулся к залу, намереваясь произнести вступительное слово. Его с воодушевлением приветствовали громкими аплодисментами.

Люди дружно хлопали, то и дело бросая косые взгляды в сторону Тиббе, будто хотели сказать: «Мы не верим тому, что ты пишешь про нашего дорогого Эллемейта. Мы доверяем нашему глубокоуважаемому господину Эллемейту».

Приветливо улыбаясь, тот раскланялся перед публикой. Говорил он очень коротко и вскоре уступил место лектору.

Это была поистине замечательная лекция. Господин Смит рассказал про кошек в Древнем Египте. Рассказал про кошек в средние века и приступил к показу диапозитивов.

Свет в зале погас, и, когда лектор ударял в пол тростью, на экране появлялось изображение новой кошки.

Проговорив час, господин Смит предложил сделать пятнадцатиминутный перерыв.

— Вы сможете пройти в буфет, — сказал он. — Но до перерыва я покажу вам снимок ещё одной необычной кошки из эпохи Возрождения.

Он стукнул в пол тростью. Это означало, что парень за диапроектором может показывать очередное изображение кошки.

И на экране действительно появилась кошка. Правда, это была не породистая кошка из эпохи Возрождения. Это была жившая при пекарне кошка Булочка, с воплем летящая по воздуху от сильнейшего пинка. На снимке отчетливо был виден и человек, пнувший её, — достопочтенный господин Эллемейт. Конечно, снимок не самый мастерский, изображение получилось несколько кривоватым, однако ошибки быть не могло.

Тиббе подскочил на стуле. Он взглянул на Мурли. Та мило улыбнулась ему в ответ.

— Это моя кошка! — воскликнул со второго ряда пекарь.

А господин Смит снова стукнул тростью в пол и крикнул:

— Это не та фотография!

По залу пробежал шепот. На экране возникло следующее изображение. Можно было разглядеть, как господин Эллемейт лупит собачьей плеткой церковную кошку Просвирку. Уважаемый директор фабрики испытывал явное наслаждение — такое у него было выражение лица.

— Это же наша кошка! — вскричал пастор.

А на экране появилось новое изображение: стоя на террасе собственного дома, господин Эллемейт целился из ружья в трех кошек.

— Это же мой Симон! — схватился за сердце господин Смит.

— Боже мой, наша кошка, — прошептала жена Муниципального Советника.

Третьей кошкой была Помоечница, но это никого не взволновало, лишь Тиббе ошеломленно уставился на Мурли. Та, кротко улыбаясь, кивнула ему. Внезапно до Тиббе дошёл смысл кошачьего заговора. Он понял, что все эти снимки сделала Биби своим новеньким фотоаппаратом. Так криво умела фотографировать лишь она.

Возмущенный ропот волнами прокатывался по залу. Все вытягивали шеи, стараясь разглядеть Эллемейта, и, хотя в зале было совсем темно, многие заметили, что он встал и устремился к

выходу.

— Всё это ложь! — кричал он.

— Это не я!

Снова щёлкнул диапроектор, и на экране вспыхнуло новое изображение — ещё более кривое, чем все предыдущие, но опять же вполне отчетливое. Схватив за руку девочку, господин Эллемейт в ярости замахивался на неё. Девочка эта была, само собой разумеется, Биби.

— Клевета! — вопил господин Эллемейт. — Я докажу, что всё это смонтировано!

Но публика взволнованно переговаривалась, так что его никто не услышал.

Господин Эллемейт бросился в конец зала, где стоял диапроектор.

Диапозитивы менял Биллем, работник столовой.

— Немедленно прекратить! — крикнул господин Эллемейт.

— Это был последний кадр, — сказал Биллем.

— Ты... — задыхаясь от ярости, прорычал Эллемейт, — ты... откуда у тебя эти снимки?

— Я просто показывал всё по порядку. — Биллем пожал плечами. — Что и требовалось.

— Но откуда же они взялись?

— Понятия не имею.

Волнение в зале нарастало, и господин Смит попытался разрядить обстановку.

— Дамы и господа, всё это досадное недоразумение, — увещевал он публику. — Я предлагаю всем успокоиться и выпить по чашечке кофе, после чего я продолжу лекцию.

— Ты уволен, — прошипел господин Эллемейт Виллему.

Он вернулся в зал, где уже включили свет и люди, сбившись в кучки, возбужденно переговаривались, теснясь к буфету. Там, где проходил господин Эллемейт, наступала гробовая тишина.

Ему очень хотелось всем всё объяснить. Но никто не спрашивал его объяснений. Фотографии были слишком красноречивы.

Господин Эллемейт безнадежно махнул рукой и вышел из зала.

В тот же миг все наперебой заговорили.

— Просто не верится! — возмущалась жена Муниципального Советника. — И это Председатель Общества Друзей Животных! Пинает кошек! Он обидел мою кошку!

— Он ударил моего ребенка! — воскликнула мама Биби. — Это куда серьезнее. А он ещё Председатель Общества Заботы о Детях!

Биби сидела рядом с абсолютно невинным видом, будто не имела к этой истории ни малейшего

отношения.

— Почему ты мне ничего не рассказала? — спросила мама. — О том, что тебя ударил этот человек? Но Биби скромно промолчала. Она лишь взглянула поверх своей кока-колы на Тиббе и прошептала: — Здорово получилось?

— Потрясающе! — искренне ответил тот.

— Последнюю фотографию сделала Мурли, — сказала Биби. — Она залезла на дерево.

Тиббе оглянулся по сторонам. В толчее он потерял Мурли и, чтобы отыскать её, прошёлся по залу. До него долетали обрывки разговоров.

— Вполне возможно, что не всё там неправда, — шептались пожилые дамы.

— Где, дорогая?

— Да в той самой заметке. Ну, к примеру, то, что Эллемейт засунул котят в мусорный мешок.

— Да уж, такой человек способен на всё. И про селёдочника, наверное, тоже правда.

Чуть поодаль господин Смит разговаривал с Виллемом.

— Как же это получилось? — спрашивал господин Смит. — Эти снимки... Всё было задумано по-другому. Откуда они взялись?

— Мне их дала юфрау Мурли, — объяснил Биллем. — Она спросила, не смогу ли я показать их до перерыва. Не знаю почему, но она была так мила со мной. И просила очень любезно.

— Так-так, — пробормотал господин Смит.

— А теперь, когда я потерял работу, — продолжал Биллем, — я тоже могу кое о чём рассказать.

— О чём же? — поинтересовался господин Смит.

— Я там был. — Где?

— Я видел, как господин Эллемейт наехал на палатку селёдочника.

— Мальчик мой! — воскликнул старый учитель. — Почему же ты молчал об этом раньше?

К ним подошёл механик из мастерской.

— В таком случае я тоже расскажу, что знаю, — сказал он. — Машина Эллемейта была повреждена.

— Об этом вы должны рассказать не мне, — сказал господин Смит. — Вам необходимо изложить всё это в полиции. Кстати, сегодня на лекции присутствует комиссар полиции.

И господин Смит направился к Тиббе, который всё ещё в одиночестве бродил по залу.

— Тиббе, — господин Смит пожал ему руку, — боюсь, я несправедливо тебя обидел. Мне очень жаль. Думаю, ты ухватил суть дела. Обязательно напиши о сегодняшнем вечере.

— Я больше не работаю в газете, — вздохнул Тиббе.

Тем временем Мурли тоже сновала между беседующими за чашечкой кофе гостями. То и дело до неё долетало:

— А всё-таки этот Тиббе был прав...

— Вы полагаете?

— Да я просто уверен в этом.

Глаза её сияли от удовольствия. Кошачий заговор достиг своей цели.

Она уже собиралась вернуться на свое место, когда заметила за стеклянной дверью черное пятно. Оно протяжно мяукало.

Мурли приоткрыла дверь, и в зал проскользнул толстый черный кот Люкс.

— Сколько можно тебя звать! — проворчал он. — Я смылся отсюда, иначе бы мне в этой толчее все лапы отдавили. Ну как, получилось?

— Отлично, — сказала Мурли. — Спасибо всем киллендорнским кошкам.

— Поздравляю, — довольно мурлыкнул Люкс. — Но я тебя звал не только за этим. Там, на улице, тебя кое-кто поджидает.

— Кто? — удивилась Мурли.

— Твоя сестра. Напротив вращающихся дверей, в тени лип. От входа надо идти прямо.

Мурли одновременно бросило и в жар и в холод. Как тогда в саду тётушки Мортье. Если только речь заходила об её сестре, у неё подозрительно начинало дрожать в горле.

— Я не могу сейчас, — сказала она. — Мне нужно вернуться. Лекция ещё не окончена.

— Да пойдём же! — настаивал Люкс. — Далась тебе эта лекция! Какое тебе дело до «кошки в истории человечества», раз тебя поджидает настоящая сегодняшняя кошка?

— И всё же я не пойду.

— Почему? Уж не боишься ли ты своей собственной сестры?

— Нет... а может, и боюсь. Передай ей, что сейчас я не могу с ней встретиться.

И когда Тиббе вернулся на место, Мурли уже тихонечко сидела на соседнем стуле.

Господин Смит под бурный восторг слушателей дочитал до конца свою лекцию, на сей раз без всяких чрезвычайных происшествий. Следующим утром все кошки города высыпали на крыши.

Обсуждались события вчерашнего вечера. Кошачий телеграф бесперебойно работал всю ночь.

— Это лучшая новость после взятия Бастилии, — глубокомысленно изрекла Промокашка.

На крыше Страхового банка было темно от кошек — ни разу Мурли не доводилось собрать их столько, да ещё среди бела дня. Она принесла с собой целую сумку мяса и щедро раздавала кусочки своим помощникам.

Самым дурным голосом от радости вопила Просвирка, что вовсе не пристало церковной кошке.

— Ух, как отпразднуем! — выкрикивала она.

— Да уж, отпразднуем, — как всегда с постной миной фыркнула Помочница. В душе она была страшно горда тем, что смогла без посторонней помощи взобраться на самую высокую крышу в городе — несмотря на сломанную лапу!

— Пока ещё нечего праздновать, — вздохнула Мурли. — Моего хозяина уволили с работы, и через несколько дней он должен освободить квартиру.

— Не дергайся, — сказал Косой Симон. — Может, сегодня же

всё и уладится. Общественное мнение переменялось. Люди больше не любят Эллемейта. Мой хозяин очень зол на него.

— Мой — тоже, — поддакнула кошка Муниципального Советника.

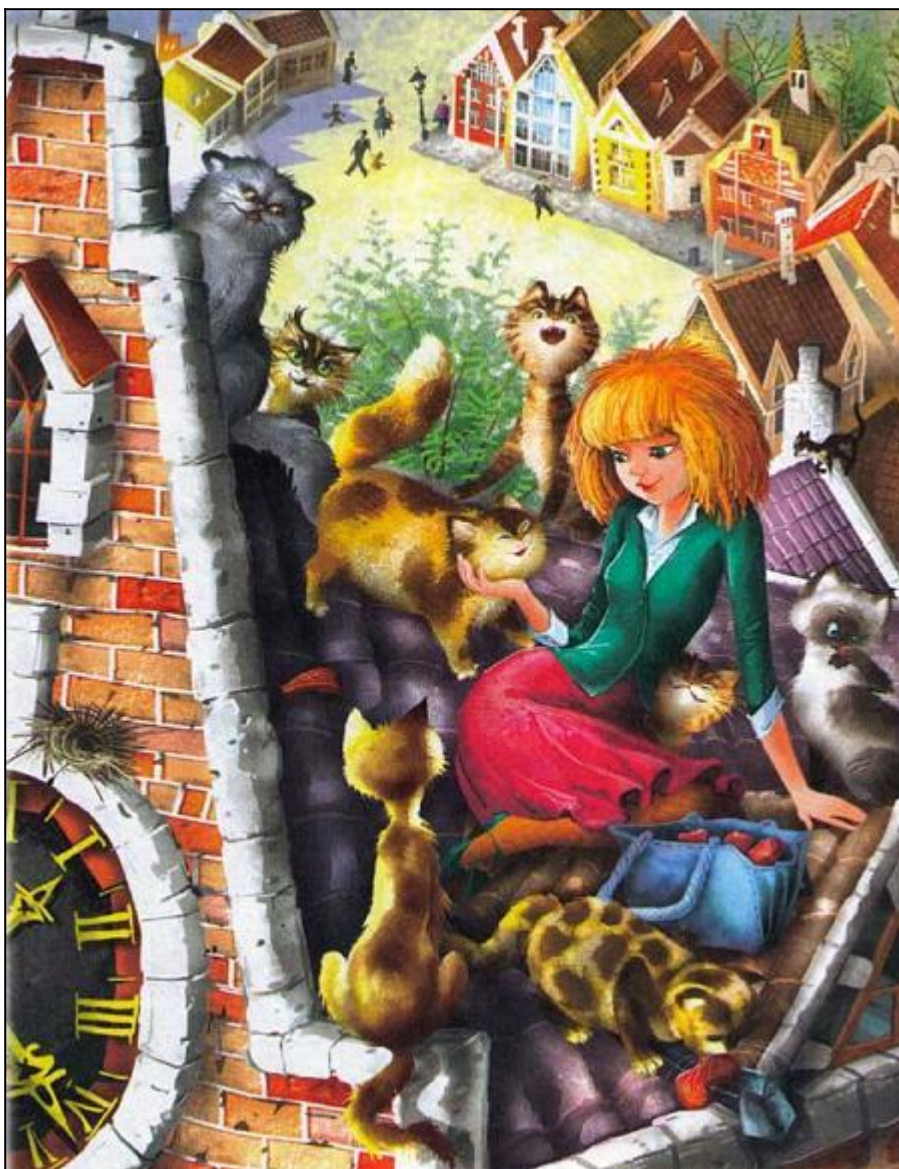
— Весь город судачит о вчерашней лекции, — хмыкнул кот Люкс. — Я имею в виду людей.

Между тем Тиббе коротал время на своем чердаке в компании шестерых маленьких котят. Все его взрослые кошки отправились на крышу. Естественно, вместе с Мурли.

Он так толком и не видел её после лекции, а ему о многом хотелось её расспросить.

В полной растерянности он ходил кругами по комнате. Внезапно раздался звонок в дверь.

На пороге стоял господин Фан Дам, хозяин дома. Он был изрядно смущен и ни за что не желал

присесть.

— Я тут решил заглянуть к вам на минутку, — сказал он. — Прослышал я, молодой человек, что моя жена потребовала, чтобы вы съехали с квартиры. Освобождайте, мол, чердак. Она отказала вам без моего ведома. Ей не следовало так поступать. Я с ней категорически не согласен.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Тиббе. Господин Фан Дам присел на самый краешек стула.

— Моя жена излишне эмоциональна, — продолжал он. — Она ужасно рассердилась на вас из-за того кошачьего концерта. Но я ей сразу сказал: «Причём тут Тиббе, это весь город виноват. Вон сколько кошек развели!»

Тиббе кивнул.

— А ещё она недовольна тем, что у вас у самого столько кошек, — заговорил снова господин Фан Дам. — Но ведь от этого у нас никаких проблем. Вернее, она считает, что у неё есть проблемы, у меня же лично их нет.

— Благодарю вас, — сказал Тиббе.

— А потом она разозлилась из-за этой вашей заметки в газете. Но теперь-то мы знаем, что вы были правы.

Я, между прочим, тоже слышал, что Эллемейт наехал на селёдочника. А сейчас полиция нашла двух свидетелей.

— О! — воскликнул Тиббе. — Отлично. К сожалению, у меня нет сигарет — я не курю, я хочу угостить вас карамелькой.

— С удовольствием, — кивнул господин Фан Дам. — А потом у вас ещё есть... эта... секретарша.

Он огляделся по сторонам.

— Есть, — согласился Тиббе, — только сейчас её нет дома. Она сидит на крыше.

— ...Какие у вас милые котятки, — умилился господин Фан Дам. — Я бы с радостью взял одного себе.

— За чем же дело стало, им только нужно ещё чуть-чуть подрасти.

— Нет-нет, что вы! Моя жена терпеть не может кошек. Этим всё сказано. Но одно я вам точно обещаю: вы остаетесь жить здесь. И точка!

— Это просто замечательно, — с облегчением согласился Тиббе.

Ему так хотелось сообщить радостную весть Мурли, но та всё никак не возвращалась. И не успел господин Фан Дам откланяться, как сразу же зазвонил телефон.

Это был главный редактор.

Он потребовал, чтобы Тиббе немедленно пришёл в редакцию.

Через полчаса Тиббе сидел всё на том же хорошо известном ему стуле в кабинете главного редактора. Редакционный кот Ластик, как обычно, примостился на подоконнике и дружелюбно подмигивал Тиббе.

— В конце концов оказалось, — начал главный редактор, — что ты опять прав. Всё, о чём ты написал, Тиббе, подтвердилось.

— Конечно, подтвердилось, — сказал Тиббе. — Иначе я бы не написал!..

— Не обижайся, — остановил его главный редактор. — Я до сих пор утверждаю, что в твоей заметке нет ни единого доказательства. Ты не должен ничего писать, когда у тебя нет доказательств. Поэтому ты поступил неправильно. Будем надеяться, что впредь ты будешь осмотрительней.

— Впредь? — Тиббе удивлённо взглянул на него.

— Да, ты не ослышался. Ибо я рассчитываю, что ты и дальше будешь работать в нашей газете. Ты не против?

— О да, с превеликим удовольствием! — воскликнул Тиббе.

— Хорошо, тогда договорились. И... ах да, Тиббе... что-то ты давно не писал про кошек. Можешь и побаловать нас иной раз. Лишь бы это было не слишком часто.

— Я с радостью, — улыбнулся Тиббе. Разговор был окончен, и редакционный кот Ластик стремглав скользнул в окно и рысью помчался по крышам, чтобы первым рассказать Мурли новость.

— Твоего хозяина снова приняли на работу! Мурли с облегчением вздохнула.

— Теперь можешь спокойно уходить, — сказал Ластик.

— Уходить? Куда?

— Как куда? — удивился Ластик. — Разве твоя сестра не хочет, чтобы ты к ней вернулась? Разве ты сама не хочешь вернуться в свой старый дом?

— Не знаю, — растерялась Мурли. — Кто тебе сказал?

— Да слышал по дороге... кошки болтали... А что, ты до сих пор не говорила со своей сестрой?

— Нет.

— Тогда она сама придет к тебе. Чтобы забрать тебя домой.

— Но я не хочу, — разволновалась Мурли. — У меня уже есть хозяин. И я ему всё ещё нужна. Иначе кто будет добывать для него новости?

— Не нужна ты ему, — хмыкнул Ластик. — Он так изменился! Он теперь совсем не робкий. И способен на смелые поступки. Разве ты сама не заметила?

— Заметила, — вздохнула Мурли. — Это правда. Теперь он не боится подходить к незнакомым людям и задавать им вопросы. Случай с Эллемейтом придал ему храбрости. Теперь он осмелел. По дороге домой Мурли пообщалась с Помоечницей, которая тоже завела речь о её сестре:

— Она спрашивала, когда ты изволишь появиться. Сама я с ней не встречалась, но слухами земля полнится. На твоём месте я бы помчалась туда, задравши хвост.

— Да, наверное, — неуверенно согласилась Мурли.

— Я слышала, что она нашла какое-то средство, чтобы вылечить тебя. Вот была бы красота! Поди не терпится снова стать кошкой?.. Или нет? — Помоечница подозрительно взглянула на Мурли своими желтыми глазами.

— Я... ничего я не знаю, — пробормотала Мурли.

Она застала дома Тиббе, который пребывал на седьмом небе от счастья.

— Меня снова взяли в газету и не гонят с квартиры! — воскликнул он. — Сейчас мы отпразднуем это событие жареной рыбкой!

Упоенный радостью, он не заметил, как молчалива Мурли. Молчалива, задумчива и совсем невесела.

Тиббе проснулся от того, что кто-то гладил его по лицу мягкой лапой. Это был Флюф. Тиббе взглянул на будильник.

— Пятнадцать минут четвертого... Флюф, ты зачем разбудил меня? Ну-ка, быстро иди ложись ко мне в ноги.

Но Флюф настойчиво замыкал.

— Ты что-то хочешь мне сказать? Ты же знаешь, что я ничего не понимаю. Иди к Мурли. Она в своей коробке.

Однако Флюф не уходил и мяукал до тех пор, пока не поднял Тиббе с постели.

Коробка Мурли была пуста. Вероятно, она ещё не возвращалась с крыши. Уже забрезжил рассвет. Котят проснулись и закопошились на своей подстилке, а Флюф всё требовал упорно, чтобы Тиббе подошёл к кухонному окошку.

— Что случилось? Мне нужно выглянуть в окно?

Тиббе перегнулся через подоконник и оглядел крыши. На соседней покато́й крыше рядышком сидели две кошки. В одной из них он признал Помоечницу. Другой была большая рыжая красавица с белой манишкой и белой кисточкой на пушистом хвосте.

Тиббе высунулся ещё дальше из окна, и оконная рама пронзительно скрипнула. Рыжая кошка оглянулась.

Он так испугался, что потерял равновесие и вынужден был схватиться за косяк. Это была Мурли.

Кошка взглянула на него глазами Мурли, которые он так хорошо знал. И её мордочка была точь-в-точь как лицо Мурли, только теперь оно сделалось по-настоящему кошачьим.

Он хотел окликнуть её: «Мурли!» — но от страха голос его сел и не повиновался ему. Это длилось

лишь одно мгновение. Рыжая кошка отвернулась и в два быстрых прыжка исчезла на другой стороне островерхой крыши.

Помоечница осталась на месте. Она лениво обмахнулась тощим хвостом и многозначительно взглянула на Тиббе своими желтыми глазами.

Голова у Тиббе закружилась, он побрёл в комнату, в бессилии упал на диван и стал лихорадочно грызть ногти.

— Ерунда какая-то, — бормотал он. — У меня совсем мозги набекрень съехали. Юфрау Мурли скоро вернется домой.

Флюф вертелся у него под ногами и словно силился о чём — то рассказать.

— Что ты хочешь сказать мне, Флюф? Она что, снова стала кошкой? Ерунда какая-то, — успокаивал себя он. — Я ещё не проснулся. Нужно лечь в кровать.

Тиббе попытался заснуть, и ничего из этого не вышло. Он лежал с открытыми глазами и ждал. Обычно Мурли возвращалась, как только занимался рассвет. И сразу шла в коробку. На этот раз уже прошли все сроки, и на душе у Тиббе становилось всё беспокойней. Наконец он не выдержал и вскочил с постели, чтобы сварить себе кофе.

Шесть часов утра. Мурли не возвращалась.

Тиббе пошёл взглянуть, на месте ли её вещи.

Полотенце, зубная щетка и всякое такое. Ничего не тронуту. И чемоданчик её по-прежнему стоял в кладовке. Какое счастье!

«Счастье? О каком счастье может идти речь?

Если она превратилась в кошку, все эти вещи ей ни к чему.

Я похож на сумасшедшего. Что только не лезет в голову спросонья», — рассуждал он про себя.

В четверть седьмого раздался звонок в дверь.

«Она! — с радостью вскинулся Тиббе. — Она вернулась через входную дверь».

Но это была не Мурли. На лестничной площадке стояла Биби.

— Наверное, я очень рано, — сказала она. — Я так испугалась. Утром я выглянула в окно — ведь оно у меня тоже выходит на крышу — и увидела Мурли. Она проходила мимо.

— Ну! — еле выговорил от волнения Тиббе. — И что же?!

Биби замолчала и беспомощно взглянула на него.

— Говори же, Биби...

— Она снова стала кошкой, — прошептала Биби.

На лице её отразилось смтение. Она боялась, что Тиббе начнет смеяться над ней. Но Тиббе был совершенно серьезен.

— Подожди, Биби... Ерунда какая-то получается... — только и сказал он. Но в голосе его не слышалось уверенности.

— Нет, честное слово, — пробормотала Биби.

— Мне кажется, что я её тоже видел. Я хотел окликнуть её, а она убежала. Где же она может быть?

— Скорее всего, она вернулась в свой старый дом, — предположила Биби. — В свой собственный сад.

— Какой ещё сад?

— На Эммалаан. Она как-то рассказала мне, что жила раньше на Эммалаан. В доме с кустами золотых шаров возле террасы. Она жила там, когда была кошкой.

Флюф снова замыкал.

— Не знаю, правильно ли я его поняла, — сказала Биби, — но кажется, он говорит нам, что так оно и есть. Что нам делать, Тиббе?

— Ничего. — Тиббе пожал плечами. — А что мы можем сделать?

— Пойти туда. На Эммалаан. А вдруг мы найдем её там?

— Ну что ты... ерунда какая-то. — Тиббе безнадежно махнул рукой.

Но через десять минут они вместе вышли из дому и пустынными улицами зашагали на другой конец города. Им пришлось изрядно поплутать, прежде чем удалось найти Эммалаан.

Это была маленькая кривая улочка с белыми домами в глубине больших садов.

— Не вижу никаких рыжих кошек, — сказал Тиббе. — И золотых шаров тоже не вижу.

— Наверное, она где-нибудь в глубине. Пойду, пройду по задним дворам. Ещё совсем рано, надеюсь, что никто из хозяев не проснется.

В этот ранний час на улочке было совсем тихо. Лишь вовсю распевали птицы, и цветущие ветви деревьев покачивались на ветру. Возле изгороди одного из домов Тиббе терпеливо поджидал Биби. Неподалеку он заметил большой мусорный ящик.

Непохоже, чтобы в доме рядом жили люди, скорее всего, здесь размещалось какое-то учреждение. Большими черными буквами на табличке было написано: «Институт биохимических исследований». Тиббе вспомнил рассказ Мурли о том, как она наелась каких-то отходов из мусорного ящика, после чего её внешность сильно изменилась. Тогда он был готов посмеяться над ней, сейчас же подумал: «Кто его знает... эти современные научные опыты... Может, выкинули что-нибудь после неудачного эксперимента...»

Перед ним стояла Биби и теребила его за рукав.

— Это, должно быть, то, что мы ищем, — говорила она, указывая на соседний с институтом дом. — В саду растут золотые шары, но кошки я там не видела. Может, она в доме. Ой! Смотри!

В палисаднике показалась рыжая кошка. Она окинула их настороженным взглядом. И вновь навстречу им сверкнули глаза Мурли.

Самое ужасное было то, что в зубах кошка держала дрозда. Только что пойманного трепещущего дрозда.

Биби закричала и замахала руками. В одно мгновение кошка с дроздом в зубах скрылась за домом.

— Я догоню её! — крикнула Биби, но Тиббе её удержал.

— Не надо, — сказал Тиббе. — Птица наверняка не выживёт. Уж лучше оставить всё как есть.

Они молча постояли у изгороди. Мурли со своей жертвой исчезла, у Биби по щекам катились слезы.

— Не плачь, Биби, — утешал её Тиббе. — Так устроена жизнь... Кошки всегда остаются кошками. И им на роду написано охотиться на птиц.

— У Мурли часто делалось такое же выражение лица, — всхлинула Биби. — Когда мы сидели в скверике и рядом появлялась птичка... Мне это ужасно не нравилось. Я кричала ей: нельзя! И она краснела от стыда. А теперь ей совсем не стыдно. Поэтому я и плачу.

Тиббе не слушал её. Он мучительно размышлял над тем, стоит ли ему позвонить в дверь этого

дома. Он позвонит и спросит: «Меффрау, не пропадала ли у вас рыжая кошка?»

Но скорей всего, хозяйка этого дома ещё не встала. Ведь было совсем рано. И кроме того... что сказать дальше? Ну, ответит она ему: «Да, кошка у меня пропадала, а теперь вот вернулась домой».

И о чём они будут говорить потом?

— Пойдем отсюда, — сказал Тиббе.

— Ты не заберешь её с собой? — спросила Биби.

— Зачем? У неё есть хозяйка. А у меня и так кошек полон дом.

Они молча побрели прочь. Какое же у неё было неприятное лицо, у их дорогой Мурли, зажавшей в зубах бьющуюся птицу...Стояла непроглядная ночь, когда Мурли встретилась со своей сестрой на крыше Страхового банка. С вестью о встрече к Мурли пришла Булочка и сказала:

— Твоя сестра ждет тебя. У неё что-то срочное. Ты должна пойти немедленно.

Издали Мурли учуяла знакомый запах. Самый родной из всех запахов — запах дома... и поэтому она, вытянув шею, нежно пропела:

— Носик-носик?

— Вот ещё! — раздраженно фыркнула сестра. — Здраваться с тобой я стану, лишь когда ты будешь прилично выглядеть.

— Не уверена, что это когда-нибудь произойдет.

— Конечно, произойдет. Этой же ночью. Момент настал!

— Когда настал? — спросила Мурли.

— Вот сейчас и настал. Раньше было нельзя. И позже тоже будет нельзя. Это твой последний и единственный шанс. Идем.

— К тебе домой?

— К нам домой. В наш сад.

На востоке небо над крышами едва заметно побледнело, готовясь к рассвету. Теперь Мурли могла видеть свою сестру. Та всё ещё была настроена крайне враждебно.

— Ты же прогнала меня, — напомнила Мурли. — Сказала, что больше не желаешь меня видеть. И ужасно разозлилась, когда я взяла чемоданчик хозяйки. Не могла же я тогда уйти нагишом...

— Что было — то прошло, — перебила её сестра. — Хозяйка так ничего и не заметила. У неё не счесть чемоданчиков, и дом ломится от одежды, сама ведь помнишь.

— А уж в каком ты была бешенстве, когда я перестала быть кошкой! Ты же всю меня исцарапала, прогоняя из сада.

— Ладно-ладно, — примирительно буркнула сестра. — Кто старое помянет, тому глаз вон... Можешь возвращаться.

— Такая, как есть?

— Послушай, этой ночью ты можешь излечиться. Этой ночью или самое позднее — ранним утром.

— Откуда ты знаешь?

— Ведь со мной приключилась та же самая история.

— Да, тётушка Мортье мне рассказывала.

— Но у меня болезнь не зашла так далеко. Дело в том, что и я слопала какую-то дрянь из мусорного ящика. И со мной начали происходить ужасные вещи. Исчезли усы, а хвост с каждым часом становился всё короче и короче. И я заметила за собой такие странные наклонности! Например, мне захотелось ходить на задних лапах. Или принять душ. Вместо того, чтобы вылизать себя язычком!

— И что тогда? — спросила Мурли.

— Меня излечил лесной дрозд. Я просто-напросто съела лесного дрозда. Ты же знаешь, они редкие гости в наших садах. Обычно пролетают мимо. И вот случайно я поймала одного, представляешь? Тут же всё прошло, как дурной сон... Я слышала, что лесные дрозды питаются какими-то травами, которые помогают от всех болезней. От твоей тоже помогут.

— Ну так что, дрозды прилетели? — спросила Мурли.

— Они будут пролетать мимо здешних мест сегодня ночью. Или ранним утром. Поэтому ты должна немедленно пойти со мной. Уже начинает светать.

Не двигаясь с места, Мурли задумалась.

— Идем же, — торопила её сестра. — Скорее домой.

— Но у меня теперь другой дом, — сказала Мурли, — другой дом и другой хозяин.

Она смолкла. Чердак и обитавший там Тиббе внезапно показались ей такими далекими. И совсем чужими. А сестра её пахла теплым и родным семейным запахом.

— Помнишь, как мы ловили скворцов в саду? — угадала её колебания сестра. — Помнишь, как прекрасен наш сад весенней порой? Вспомни золотые шары... они снова зацветут. Когда у тебя появится хвост, ты опять сможешь гулять среди них. Ты сможешь устроиться у хозяйки на коленях и мурлыкать. Ты сможешь вернуться к нормальной кошачьей жизни. Не понимаю, почему ты сидишь здесь до сих пор и неизвестно о чём думаешь! Ты дрожишь, тебе холодно. Идем, скоро ты снова покроешься теплой шерсткой.

Мурли и впрямь замерзла. «Как чудесно было бы сейчас вновь очутиться в своей рыжей шубке, — подумала она. — И растянуться во всю длину на дорожке, нежась на солнышке. Какое счастье вылизывать себя язычком, вытянув вверх заднюю лапку и покусывая брюшко... Счастье вновь обзавестись коготками, которые можно выпускать и втягивать по собственному усмотрению. И, потягиваясь, точить коготки, добираясь по ножке стула до заветной новехонькой обивки».

— Я иду с тобой, — решила Мурли. — Подожди только минутку.

— Нет, ждать больше некогда, скоро взойдет солнце. Что ты ещё надумала?

— Я хотела... я думала... мне нужно забрать чемоданчик, а там полотенце и ещё кое-какие мелочи.

— Ты что, издеваешься? — вспыхнула сестра. — Неужели ты думаешь, что всё это тебе понадобится? Что будет делать кошка с этим чемоданчиком?

— Я подумала, наверное, его нужно вернуть... поставить на место, — пробормотала Мурли.

— Не утруждайся, не стоит, — ехидно фыркнула сестра.

— Но разве мне не следует попрощаться?

— Прощаться? С кем? С хозяином? Похоже, ты совсем спятила! Он же запрет тебя на замок!

— Ну тогда позволь мне предупредить хотя бы Помоечницу! — в отчаянье воскликнула Мурли. — Я должна рассказать ей, куда иду. Она же сидит через четыре крыши отсюда.

— Жди меня здесь. Я сама это сделаю, — снова рассердилась сестра. — Иначе опять ищи тебя свищи. Сиди здесь и не сходи с места. Я поищу Помоечницу на вашей крыше.

По крышам, погруженным в полумрак, она тенью скользнула мимо окошка Биби к чердаку Тиббе.

* * *

— Тебе привет и наилучшие пожелания.

— От кого? — быстро спросила Мурли.

— Да уж не от твоего хозяина, — хмыкнула сестра. — Впрочем, его я тоже видела, он стоял у окна, и я быстренько смылась. Привет от Помоечницы. Она надеется вскоре увидеть тебя с хвостом. Сказала, что я очень на тебя похожа!

Наступило солнечное утро.

Уже несколько часов Мурли сидела в сарайчике за домом на Эммалаан. Рядом с газонокосилкой. Мурли до сих пор дрожала — больше от напряжения, чем от холода. «Скоро у меня будет шубка, — думала она. — Если только получится».

Пока никак не получалось. Её сестре не удавалось поймать лесного дрозда.

— Сколько ещё ждать? — спросила Мурли через полуоткрытую дверь сарайчика. — Солнце уже взошло.

— Нечего меня торопить! — взорвалась сестра. — Очень это помогает, когда торопят! Пойду взгляну в палисаднике.

Из сарайчика Мурли была видна лишь задняя часть дома, где она жила, будучи кошкой.

Скоро она зайдет туда, хозяйка даст ей мисочку молока и погладит по спинке. И когда она в ответ замурлычет, никто не оборвет её: «Фу, юфрау Мурли!»

Здесь в саду ей был знаком каждый кустик, каждое деревце. На газоне она ловила лягушек, а как-то раз даже поймала крота. А вот клумба, в которой она выкапывала ямку и присаживалась в окружении бегоний с подрагивающим хвостиком и задумчивым взглядом, как это делают все кошки. А потом, справив кошачьи дела, она старательно закапывала ямку... Мурли всё больше и больше чувствовала себя кошкой.

Она уже с нетерпением ожидала момента превращения. Скоро...

Внезапно она вздрогнула от пронзительного писка.

К сарайчику бежала её рыжая сестра. Ей наконец удалось поймать лесного дрозда. В этот момент Тиббе с Биби стояли у изгороди возле дома, но Мурли, конечно же, об этом и не подозревала. С победным видом сестра неслась ей навстречу. В зубах она держала птицу, поэтому сказать ничего не могла, но в глазах её легко читалось: «Ну, какова? Ловко я его прихватила?»

Дрозд жалобно пищал и беспомощно трепетал. В первый миг Мурли хищно облинулась: вкуснотища! Но как только рыжая сестра приблизилась к ней, она вдруг с размаху шлепнула её и закричала:

— Отпусти немедленно!

С перепугу сестра выпустила добычу. Дрозд сразу взмыл вверх, сначала косо и заваливаясь на одно крыло, затем он полетел всё более уверенно, радостным щебетанием оповещая сородичей о своем спасении.

— Ну, это уже предел всего, — тихо и злобно прошипела сестра.

— Ой, извини, пожалуйста, — пролепетала Мурли. Ей сделалось ужасно стыдно.

— Вот только этого нам не хватало! — Зрачки у сестры расширились от ярости. — Всю ночь, всю ночь я для неё старалась. В конце концов, на исходе сил и способностей я ловлю ей редчайшего лесного

дрозда. Потому что знаю, что это её последний шанс... потому что она — какая-никакая, но моя сестра. И что же эта неблагодарная вытворяет?!

— Я всё испортила, — пробормотала Мурли. — Я сделала это, не подумав...

— Не подумав! Ах, как мило! После всего того, что я для тебя сделала, ты вырываешь у меня изо рта птицу и заявляешь, что ты не подумала!

— Это получилось само собой, — жалобно сказала Мурли. — Но ведь там есть ещё один. Разве ты не говорила, что в сад залетели два дрозда?

— Ишь, разбежалась! Неужели ты думаешь, что я ещё раз буду для тебя охотиться?

У сестры даже хвост распушился от гнева.

— Знаешь, кто ты такая? Ты — человек! Ты такая же, как моя хозяйка. Как, с твоего позволения, наша хозяйка, потому что раньше она имела отношение и к тебе. Она с удовольствием ест курицу, но не дай Бог кошке поймать птичку. Она обязательно вырвет эту птицу у кошки из пасти. Неужели не помнишь? Разве с тобой не случилось такого, когда ты ещё жила здесь? Ты ведь тоже сама возмущалась! «Лицемерка! — кричала ты тогда. — Сама лопает курицу, а у нас изо рта вырывает такую же птицу!»

— Помню, — потупилась Мурли.

— Почему же ты сама поступаешь точно так же?

— Не знаю. Наверное, я и впрямь сильно изменилась.

— Ты слишком сильно изменилась, — сказала с горечью рыжая кошка. — Тебе никогда не удастся выздороветь. А теперь — вон отсюда, ты больше мне не сестра. Уходи. Убирайся прочь из моего сада! И берегись, если я когда-нибудь ещё увижу тебя здесь!

Она зашипела так злобно, что Мурли опрометью бросилась бежать. Со страху она побежала не в ту сторону, нырнула в дыру в изгороди, очутилась в другом саду, затем — в третьем. Она бежала, не разбирая дороги, ей всё мерещилось, что сестра со злобным шипеньем преследует её по пятам.

Вконец заплутав, она призадумалась: «Как такое могло случиться? Всё это время я мечтала поймать какую-нибудь зазевавшуюся птичку. Почему же теперь я пошла против своей натуры? Против кошачьей натуры?

Спасти птицу... что за дурацкая идея?» Всё ещё продолжая бежать, она попыталась найти ответ: «Я смогла понять, что птице больно. Я представила себе, что ей страшно. Но если ты способна вообразить такое, значит, ты больше не кошка. Кошки не страдают птичкам. Похоже, я упустила свой последний шанс»._Пока Тиббе с Биби возвращались на другой конец города, погода переменилась. Откуда ни возьмись, вынырнул ветер, набежали облака, закапал дождь.

— Ты не опоздаешь в школу? — спросил Тиббе.

— Не опоздаю. — Биби поехала. — До половины десятого ещё уйма времени.

Они вышли на Грунмаркт, и Тиббе предложил:

— Давай куда-нибудь спрячемся. Вон на тех лавочках под деревьями сухо.

Они присели на лавочку и принялись печально сосать карамельки.

«Меня снова приняли на работу, — подумал Тиббе. — Мне не нужно съезжать с квартиры. Всё уладилось. У меня не стало только моей секретарши. Отныне не будет для меня работать КИС — Кошачья Информационная Служба. И кошки не будут приносить мне новости. Теперь я буду добывать их сам. Смогу ли? Достаточно ли у меня храбрости?

Конечно, смогу, — строго сказал он себе. — Уж не такой я робкий. Я могу к любому обратиться с вопросом, я больше не боюсь людей.

И это прекрасно, что теперь я должен работать сам. Но отчего-то мне совсем не радостно на душе. Почему мне так грустно?

Юфрау Мурли... — подумал он. — Мне столь о многом хотелось её расспросить. Прежде чем она опять превратилась в кошку. И разве я отблагодарил её? Я ни разу не сказал ей „спасибо“. Я лишь поучал её, когда она делала что-то чересчур по-кошачьи. И она ни разу не получила от меня жалованья. Конечно, теперь оно ей больше не понадобится».

Эта мысль не прибавила ему радости.

«Лишь пару перчаток... вот единственное, что она от меня получила... И те я подарил ей из боязни, что она кого-нибудь исцарапает. Если она когда-нибудь вернется... человеком, пусть у неё останутся все её кошачьи штучки, я не буду на неё сердиться. Пускай царапается. И мурлычет. И трется головой о рукав. Собственно, она становилась особенно симпатичной, когда мурлыкала. Интересно, как всё-таки нужно говорить: „мурлычет“ или „мурлыкает“?»

Внезапно за скамейкой раздался заполосный собачий лай.

Громовым басом бухал датский дог. Он стоял под деревом и, глядя вверх, захлебывался лаем.

Не говоря ни слова, Тиббе с Биби вскочили и тоже стали смотреть вверх. Пес, как безумный, танцевал под деревом и время от времени кидался на ствол, пока наконец не послышался

повелительный окрик хозяина:

— Карлос! Ко мне!

Совершив ещё несколько наскоков на дерево, Карлос покорно потрусил прочь.

Проливной дождь барабанил по листьям. Почти одновременно Тиббе и Биби разглядели в густой листве у самой верхушки... сначала туфлю, а затем и целиком всю ногу. На углу Грунмаркт показался фургон молочника.

— Извините, вы не могли бы мне помочь? — обратился к нему Тиббе. — Там на дереве сидит моя секретарша. Она боится спуститься вниз.

— Опять собака загнала? — обрадовался молочник. — Это мы знаем! Мы тут в районе и не к такому привыкли! Подождите, сейчас я подгоню фургон.

Спустя две минуты Мурли стояла под деревом, а молочник отправился своей дорогой. Она промокла до нитки, её костюмчик был весь в линялых потеках, но этого никто не замечал. Тиббе и Биби, у которых словно гора с плеч свалилась, хохотали, теребя Мурли за мокрые рукава.

— Здорово! — кричал Тиббе. — Какое счастье! А мы чего только не насочиняли! Значит, всё это выдумки. Как нам такое могло прийти в голову!

— Что за выдумки? — спросила Мурли.

Дождь припустил ещё сильнее, одежда окончательно промокла, но никто из них этого не ощущал.

— Сегодня на рассвете мы видели вас, юфрау Мурли! — сообщил Тиббе. — Во всяком случае, мы решили, что это вы.

— Мы видели рыжую кошку! — уточнила Биби. — На крыше.

— Это была моя сестра. — Мурли улыбнулась. — Моя пятерняшка. Мы очень с ней похожи.

— А потом мы видели вас на Эммалаан, — продолжал Тиббе. — Мы ходили туда. И нам снова попалась эта кошка. С дроздом в зубах.

— Это тоже была она. Моя сестра.

— Мы же совсем промокли! — вдруг обнаружил Тиббе. — Быстрее домой!

И, произнеся слово «домой», он почувствовал себя таким счастливым, что ему захотелось петь — прямо здесь, на улице, под дождем.

— Я с вами не пойду, мне пора в школу, — вздохнула Биби. — И я не узнаю, что с тобой произошло.

— Приходи к нам сразу после школы, — предложила Мурли. — И я расскажу тебе всё сначала.

Промокшие насквозь Тиббе и Мурли вернулись на свой чердак, где их с нетерпением поджидала вся кошачья компания. Помоечница, Флюф и котята — все гурьбой бросились им навстречу и, мурлыча, закужились вокруг них.

— Нам нужно переодеться во что-нибудь сухое, — сказал Тиббе. — А потом ты расскажешь мне всё.

И Мурли рассказала ему про свои утренние приключения. Про свою сестру. Про то, как она бежала по незнакомым садам.

— Не понимаю, мне ведь так хотелось стать кошкой, — рассуждала Мурли. — По крайней мере, мне так казалось. А когда настал решающий миг, я почему-то передумала. Меня терзали ужасные сомнения.

— А теперь это прошло? — спросил Тиббе.

— Наверное, да, — согласилась Мурли. — Все сомнения позади. Я решила остаться человеком. Правда, я боюсь, что все мои кошачьи замашки всё равно сохранятся. И я всегда буду залезать на дерево при виде собаки.

— Не беда! — махнул рукой Тиббе.

— И сдаётся мне, что скоро я замурлыкаю.

— На здоровье! Мурлыкай, царапайся, трись головой о рукав сколько пожелаешь!

— Царапаться сейчас мне вроде бы не хочется. А вот помурлыкать я совсем не прочь!

— Я буду только рад!

Мурли потёрлась головой о его плечо. Очень мокрой головой, к слову сказать, потому что её рыжие волосы ещё совсем не просохли.

— Я так боялся, — пробормотал Тиббе. — Так боялся, что тебя никогда не увижу, Мурли. Лишь

теперь я понимаю, как мне было плохо, когда ты ушла. Никогда больше не уходи. Обещай мне!

— Я больше никуда не уйду, — мурлыкнула Мурли. — Просто я опасалась, что больше не нужна вам. Ведь вся ваша застенчивость прошла.

— Ты мне страшно нужна, Мурли. — Тиббе взял её за руку. — Не только как секретарша, но и как... Он залился краской.

— Ну да... но и как... Чтобы ты всегда была здесь, в доме, понимаешь, Мурли.

Внезапно он заметил, что обращается к ней на «ты». И совсем не говорит ей «юффрау». Тиббе робко поднял на неё глаза. Прежде она держалась с ним крайне сдержанно. И всегда безупречно вежливо называла его «господин Тиббе». Сейчас она ласково улыбнулась ему и сказала:

— Я с таким бы удовольствием позавтракала, Тиббе. Умяла бы целую баночку сардин! А потом я пошла бы на крышу, потому что Помоечница уже давно намекает мне, что хочет побеседовать со мной с глазу на глаз.

— Тогда сперва побеседуй, — предложил Тиббе. — А тем временем я приготовлю исключительной вкусноты завтрак.

Он отправился колдовать на кухню, а Мурли вылезла вслед за Помоечницей через слуховое окошко на крышу.

— Что-то не так? — спросила Мурли. — Мне кажется, ты недовольна тем, что я вернулась.

— Я страшно рада твоему возвращению, — фыркнула Помоечница. — Не могу только сказать, что я тебя сильно уважаю... Не моего это кошачьего ума дело, но мне всё-таки странно!

— Странно, что я вернулась?

— Меня просто в самое сердце поразил твой рассказ про дрозда. Я — кошка бродячая и много чего повидала на своем веку, но такого — извините-подвиньтесь — никогда! Это ж надо: пожалуйеть дрозда! Этак ты скоро начнешь слезы лить по бедным рыбкам! Пойдешь к селёдочнику и вырвешь у него селёдку из лап... тьфу!.. из рук. Не обижайся, я немного не в себе.

— Да уж, ты снова начинаешь грубить, — вздохнула Мурли.

— Пора мне на свободу. Ухожу бродяжничать. Котята уже лакают из миски. По-моему, их пора раздавать. В любом случае я им больше не нужна. Ах да, у меня для тебя напоследок есть новость. Передал мой сыночек Парфюм. Расширения фабрики не будет. Муниципальный Советник не одобрил проект. Сообщи своему хозяину.

— Спасибо тебе. — Мурли погладила её.

— А что, Кошачьей Информационной Службе работать по-прежнему?

— Конечно. Жизнь продолжается. И КИС действует!

— И ты по-прежнему будешь спать в коробке? — поинтересовалась Помоечница.

— Естественно. А почему бы и нет?

Помоечница взглянула на неё своими недоверчивыми желтыми глазами. Она снова казалась грязной и драной.

— Знаешь что... — сказала она тихо. — Мне вдруг стукнуло в голову, что вы с ним поженитесь.

— Почему ты так думаешь? — спросила Мурли и покраснела.

— Чувство у меня такое, — вздохнула Помоечница. — И хочу тебя предупредить: если ты отважишься на это, твоя песенка спета. Ты больше никогда не станешь кошкой. А может, дело дойдет до того, что ты разучишься с нами разговаривать. Потому что перестанешь понимать по-кошачьи. И даже забудешь Большую Мяу-Мяу Песнь.

— Ну, до этого ещё далеко! — успокоила её Мурли.

— Завтрак готов! Приглашаются люди и кошки! — высунувшись из кухонного окна, крикнул Тиббе.

— Пойдем, нас зовут, — сказала Мурли.